

A person wearing a blue helmet and a light-colored jacket stands on the edge of a dark, rocky cliff. The sky is a deep blue and black, filled with stars and the bright, glowing band of the Milky Way galaxy. The horizon shows a faint orange glow, suggesting a sunset or sunrise. The overall mood is contemplative and awe-inspiring.

Сергей
ФЕДОРАНИЧ

СМЕРТЬ
НА ПОРОГЕ

Сергей Федоранич

Смерть на пороге

Серия «Без права на жизнь», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19033414

Аннотация

Я никогда не принимал на себя долгосрочные обязательства, потому что знал – я не смогу их исполнить, ведь моя жизнь мне не принадлежит, я не живу, а жду, когда за мной придет убийца. Я противился длительным рабочим контрактам, стабильным отношениям с девушками, никогда ничего не ждал, не планировал будущего... Но все изменилось, когда мой дядя, известный европейский писатель, погиб и перед смертью поручил мне дописать книгу, в которой рассказывается история нашей семьи. И теперь мне придется не только закончить его работу, но и лицом к лицу столкнуться с человеком, который застрелил моих родителей и должен убрать меня...

Книга также выходила под названием «Я сделаю это для нас».

Содержание

Пролог	4
Глава 1	17
Глава 2	56
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Сергей Федоранич

Смерть на пороге

Пролог

Рано или поздно убийца придет за мной.

Этот страх неотрывно преследовал меня всю жизнь: с детских лет и до сегодняшнего дня. И завтра он тоже будет. Нет, я уже не озираюсь по сторонам, не боюсь собственной тени и, когда ложусь спать, выключаю свет. Я не чувствую на своей спине взглядов и не слышу шорохов в тишине. У меня нет мании преследования, я не повернут на собственной безопасности, ничего такого.

Я просто твердо знаю: он со мной еще не закончил.

Когда это случилось, мне было десять лет. Я как сейчас помню тот летний день, понедельник, седьмое июня. Мы всей семьей собирались на дачу – так мы называли наш подмосковный дом в Орехово-Зуеве, он и сейчас там стоит. Но теперь в нем нет того тепла и уюта, как тем летом. Когда мы к вечеру приехали с отцом, мама с малышкой уже были на даче, и в камине весело хрустел огонь, во дворе играло радио, а у высокого каменного забора с тихим достоинством наполнялся бассейн. Мы открывали дачный сезон. Мама взяла отпуск на полтора месяца, а отец – на три недели.

Это должны были быть счастливые деньки отдыха семейства Даниловых. Но так вышло, что на следующий день наша семья попала на первые полосы газет.

Самый важный член нашей семьи – трехгодовалый Костик – был на даче впервые, мама никак не соглашалась везти малыша в машине так долго, почти пять часов с учетом всех пробок, и предыдущим летом на даче мы были втроем: я, Мэри и папа.

В том году Мэри было пять.

Я вполне успешно закончил пятый класс, первый год в школе, когда не учителя приходили к нам, а мы бегали по кабинетам на уроки. Скажу откровенно – такой подход мне нравился больше, он добавлял важности всему процессу. Вот звенит звонок, мы с деловым видом поднимаемся из-за своих парт, складываем причиндалы в портфель, не теряя ни минуты, ведь мы торопимся на следующий урок! С важным видом покидаем класс, чтобы через три-четыре минуты так же важно войти в новую аудиторию, где нас уже ждут новые знания. Я был отличником, и у меня был довесок – меня назначили дежурным по журналу, и после уроков мне позволялось первому вставать и подходить к столу учителя, чтобы забрать высшую школьную ценность – классный журнал, крепко прижать его к груди и выйти из класса первым, чтобы одноклассники не домогались с проверкой своих оценок. Если новый кабинет был закрыт, только я и никто другой мог постучать и войти, чтобы передать классный журнал

учителю, а потом спокойно положить портфель на свое место и выйти из класса. Это привилегия, и я отлично справлялся со своими обязанностями.

Правда, в классе затесался конкурент – внезапно Соня Липедова, стабильная троечница, вдруг начала набирать обороты и год закончила с одной четверкой по физкультуре. Если так пойдет и дальше, обязанность-привилегию носить журнал могут разделить между нами. Меня это не устраивало категорически.

Во-первых, испокон века, то есть с первого класса, только Ваня Данилов был отличником. Разделять этот успех я не был готов ни с кем. Народ в классе знал, что я всегда готов дать списать домашнюю работу, но никогда не давал списывать сочинения или эссе, потому что это – святое. Лавры за мои мозги должны достаться только мне! А во-вторых, всего лишь за год в пятом классе я трижды выменял у девчонки право поглазеть на оценки в журнале на поцелуи, и все шло к тому, что в следующем году ставки будут серьезнее. Может быть, девчонки снизойдут до поцелуев всерьез, а не в щечку, как маленькие. А если журнал хоть на какое-то время окажется в руках Соньки Липедовой, то прощай мой бизнес! Сонька, завладев журналом, будет показывать его всем девчонкам в классе, и мои акции резко упадут! С поцелуями получится только с Лизой Шестопаловой, но ей я даю в журнал смотреть и бесплатно, уж больно ее прыщи меня смущают.

Впрочем, не сказать, что я был чрезвычайно расстроен этим обстоятельством, но в голове у меня навязчиво сидела проблема, которую требовалось обсудить с другом Димкой, который обещал клятвенно, что придет в Орехово не позже десятого июня и сразу же зайдет ко мне. Обсуждать этот вопрос больше было не с кем.

В общем, моя голова была забита своими проблемами, и совершенно неудивительно, что я не заметил, что родители немного повздорили. Если бы я был сконцентрирован на домашних делах, а не думал о школьных поцелуях, вероятно, я бы знал все с самого начала!

Сейчас я понимаю, в чем была причина, а тогда я уловил только одно: брат папы, дядя Вова, человек нехороший и совершил какой-то ужасный поступок, который бросил тень на всю нашу семью.

Наша семья была не сказать чтобы большой. Пару месяцев назад мы ездили на кладбище, где навестили всех своих родственников. Поскольку я считался уже большим, я был приобщен к работе с отцом – красил оградку на могиле деда, выпалывал сорняки за памятником бабушки. Мама осталась дома с Костиком и Мэри, а мы с папой облагородили сначала могилы его родителей, потом – маминых.

У мамы ни сестер, ни братьев не было, а у отца был брат – дядя Вова. Так что наша семья – это мы и дядя Вова. Я не понимал, какую тень дядя Вова мог бросить на нас, это стало мне известно намного позже.

В общем, результатом мягкой ссоры между родителями стал тот факт, что дядя Вова на дачу не приедет вообще, ни сегодня на пикник, ни позже. Мне было очень жаль, дядя Вова мне нравился. Он всегда с удовольствием играл со мной в войнушку, помогал строить на дереве шалаш, чем приводил маму в состояние, близкое к обмороку. Мама запрещала отцу помогать мне со строительством, и каждое утро мне приходилось вытаскивать бревна из поленницы, потому что мама их вечно сбрасывала обратно и запирала сарай. Она была уверена, что мой шалаш обвалится к чертям, погребя под своими обломками мое мертвое тело с вывернутой шеей.

Но шалаш – это ерунда, в конце концов скоро приедет Димка, и мы решим, что с ним делать. Может быть, мы достроим тот, что у нас во дворе, или выстроим новый, где-нибудь позади дачи Обломовых. За этой дачей начинался реденький лес вдоль Черной речки, и я давно присмотрел там высокое дерево с огромной и устойчивой развилкой под кроной. Место для строительства хорошее, а вид оттуда еще лучше – на Ольтовское озеро. В общем, эта проблема решается. А вот отсутствие дяди Вовы – катастрофа.

Дядя Вова был настоящим пацаном в прямом смысле этого слова. Он ни разу не заложил меня родителям. Даже когда мы с Димкой обкурились отцовскими сигаретами «Родопи» за той самой дачей Обломовых и дядя Вова нас увидел, мы получали по задницам до самого дома, но ни матери, ни отцу он ничего не сказал. Я дал дядя Вове слово не курить и боль-

ше и правда не курил (по крайней мере, тем летом). Если я затевал пакость, дядя Вова всегда был готов прикрыть меня перед матерью – брал всю ответственность на себя, говорил, что получившийся результат его вина, потому что он разрешил. Хотя, естественно, он зачастую был ни сном ни духом.

Короче, тот факт, что дядя Вова совершил какой-то страшный поступок и это бросило тень на нашу семью, вытеснил из головы мою проблему с Сонькой Липедовой, и остаток дня я думал только о том, как помочь дяде Вова. И даже готовился на серьезный разговор с отцом.

Я дождался, когда отец наколет дров, помог ему стаскать их в поленницу, положив подходящие для моего строительства доски пониже, чтобы можно было утащить их в щель между дверью и полом, если матери вздумается опять все закрыть на замки. Я помог с бассейном, выловил сачком все упавшие в него листья с дерева, которое третий год страдало от моей непрекращающейся стройки. Подмел дорожку, вынес мусор. В общем, доказал, что я полноценный член общества, и подсел к отцу на ступеньках дома, когда он решил немного отдохнуть и выкурить сигаретку.

– Пап, а почему дядя Вова больше не приедет?

Отец молчал, глядя куда-то вдаль. Куда он смотрел, я не понимал – со ступеней вид только на забор и соседский дом.

– Вань, давай оставим эту тему, – сказал он наконец. – Я не готов с тобой обсуждать это.

– Но дядя Вова хороший, – возразил я.

– Я знаю, что он тебе нравится, парень, но поверь мне, гораздо лучше, если дядя Вова будет держаться от тебя подальше.

– Ну пап...

– Ваня, этот вопрос закрыт. Иди мой руки, скоро будем обедать.

Я понял, что с отцом ухи не сварю, и пристал к маме. Пришлось, правда, повозиться – не заявляться же с серьезным разговором в кухню к женщине, для которой не сделал даже самой малости. Мама выглядела расстроенной, я старался не мешать ей, но упорно демонстрировал свою помощь. Слишком громко гремел кастрюлей в мойке, пока ее мыл, слишком сильно шуршал мусорным пакетом, вытряхивая из него в общий пакет какие-то очистки и пакетики. В конце концов моя старательность была оценена, и я получил от мамы пряник и безраздельное внимание.

– Мама, а что случилось с дядей Вовой? – шепотом спросил я, чтобы не услышал отец, который возился в гостиной с Костиком.

– Ванечка, мы не будем с тобой говорить об этом.

– Я слышал, как папа сказал, что дядя Вова совершил ужасный поступок, который бросил тень на всю нашу семью, – не отставал я. – Я ведь тоже член нашей семьи и должен знать, какую такую тень бросил на меня дядя Вова.

Мама посмотрела на меня серьезно, как будто впервые

увидела. Наверное, она никак не ожидала, что я в свои небольшие, в общем-то, годы стану предъявлять взрослые претензии.

– Я понимаю, малыш, но говорить с тобой об этом мы не будем. Но не думай о дяде Вова что-то плохое, папа неправ в том, что сказал. Дядя Вова не совершал никаких страшных поступков и никакую тень на нас не бросал. Но это между нами, папе не говори, иначе он расстроится.

– Почему?

– Потому что это взрослые разговоры и совершенно не твое дело.

Ну как это понимать – не мое дело? А шалаш я один строить буду? Или с Димкой? Он даже по гвоздю попасть два раза подряд не может, не то что дядя Вова...

В общем, от мамы я тоже ничего не добился. В моей голове засела эта мысль: дядя Вова плохой, он совершил страшный поступок, он бросил тень на семью... Так я и думал об этом до самого пикника. Пикник мы устраивали традиционно в первый день заезда на дачу, у Черной речки.

Малышню вывозили партиями.

Сначала мы с отцом и Костик в коляске. Отец нес две объемные плетеные корзины с провизией, а я управлял коляской, в которой верещал Костик. На природе ему не нравилось, истинный городской человечек. Он любил вид из окон нашей квартиры на Ленинградском проспекте и ровный асфальт в парке за домом. А ухабистая дорожка вдоль реки

симпатий не вызывала, как и жужжащие перед носом мухи.

Мы добрались до нашего места.

Мелководная Черная речка течет по равнине и только в одном месте утопает ниже, под небольшой утес, образуя водяной карман, в котором даже можно купаться, огибает его и уносится прочь, виляя, как дождевой ручеек, до самого Ольтовского озера. Вид с утеса очень красивый: на озеро с одной стороны и поселок – с другой. Водяной карман был моим личным озером, которое я прозвал Черным озером, и даже табличку нарисовал и вбил ее у самой кромки воды в прошлом году, когда мы выезжали на пикник по случаю закрытия дачного сезона. В этот раз, естественно, никакой таблички не было, но я собирался сделать новую.

Со вздохом оставив отца с Костиком на утесе у Черного озера, я побежал обратно в дом.

Маму с Мэри я застал у ворот. В мои обязанности входило сопровождение Мэри до утеса и помощь маме с сумками. Мэри была девушкой приличной, никаких проблем не создавала, послушно шла и крепко держала меня за руку.

– Мам, может, мы все-таки поговорим о дяде Вове? – предпринял я еще одну попытку, но, поймав мамин взгляд, понял, что эта попытка тоже провалилась.

Пикник начался с жизнерадостного тоста отца. Он налил всем сока, и даже Костику дали в бутылочке сок, хотя он был уже достаточно взрослым, чтобы пить из стакана. Папа говорил и улыбался, но мне было грустно. Это лето обещало

быть не таким веселым, как предыдущие. И не сказать бы, что отец выглядел искренне веселым – ну конечно, какое тут веселье, когда твой родной брат совершил *ужасный* поступок? Мама, понятное дело, с отцом была не согласна, и ее выдавала поза – напряженная, хотя она и пыталась казаться расслабленной, но слишком сильно упиралась на руку, а ноги лежали на земле слишком неподвижно. Я был обижен на обоих родителей за то, что они не рассказали мне про дядю Вову. В общем, начало не самое доброе. И только малышня искренне радовалась солнцу, даже Костик и тот с интересом наблюдал за течением Черной речки.

Откуда мне было знать, что тот пикник был последним, который я провел вместе со своей семьей?

* * *

Обычно мы заканчивали до заката, но в тот день все затянулось. Отец, поняв, что мама с ним принципиально не желает разговаривать нормальным, будничным тоном, переключил свое внимание на Костика, а мне досталась Мэри. Мама наблюдала за нами, попивая из пластмассового стаканчика апельсиновый сок. Мы с Мэри играли в догонялки, и я, понятное дело, должен был поддаваться, чтобы не играть у малышки на нервах. В школе в догонялки я обыгрывал всех, и только мой друган Димка мог меня догнать с учетом всех моих уверток и внезапных смен траектории.

Мама начала собирать наш пикник около девяти часов вечера, темнеть еще не начало. Но Костик выразил желание продолжить, и мама, к моему большому удивлению, махнула рукой, раскрыла книжку, оперлась о дерево и безмятежно читала. Мы с Мэри продолжали играть, забавлялись вдалеке от обрыва, а отец подбрасывал на руках Костика, заставляя того визжать от восторга.

Темнота наступила неожиданно. Я вдруг понял, что вижу только белесую макушку Мэри, но не ее ботиночки, ухватил за увертывающуюся ладошку и подошел к маме. Мама уже не читала, пикник был собран, отец и Костик сидели тут же, спокойные. Костик готовился сладко заснуть в своей коляске, а я не понимал, как повезу коляску в темноте. Уезжали мы не партиями, а все вместе. Мне достались корзины, в которые мама собрала мусор, они были не тяжелыми, но были объемными, и дорога до дома представлялась каторгой. Хотя круче всех, конечно, досталось отцу – ему пришлось волочь на себе Костика и толкать перед собой груженную одеялами коляску по ухабам в кромешной тьме.

Но мы не успели даже спуститься с утеса, как нас ослепил свет фар. Автомобиль заехал прямо на утес и остановился в опасной близости от того места, где мы только что сидели. Даже угли от нашего костра еще тлели и представляли, на мой взгляд, опасность для колес. Это был «уазик» серого цвета, водителя было не видно.

Я не испугался, ведь я был с мамой и папой.

Заскрипела дверь, и из кабины кто-то вышел. Фары не погасили, и мне не было видно, кто это. Зато я услышал жесткий металлический звук, от которого отец шарахнулся в сторону, а мама присела за дерево, утягивая за руку меня.

– Эй! Кто вы, что вам надо? – крикнул папа.

И тут грянул выстрел. Я знал этот звук – точно так же он звучал и по телевизору, когда папа смотрел боевик, где все стреляли и громко кричали. Только сейчас выстрел был так оглушительен и страшен, что я оцепенел. В ушах звенело, в глазах стало совсем темно. В мой мозг сразу ворвались сцены из просмотренных украдкой боевиков, и я закричал:

– Мама! В папу стреляли! У него на руках Костик!

Но она лишь гладила мое лицо и крепко прижимала Мэри к себе, она ничего не говорила, только очень тяжело, сипло дышала. Я не понимал, что происходит. Я закрыл корзинами себя, маму, Мэри; мама схватила меня за руку и прижала к себе. Она дрожала всем телом.

Я зажмурился и закричал:

– Уходите немедленно! Я вызову милицию! Слышите?!

Кто бы там ни был, уходить он не собирался. Он выстрелил снова, и мне показалось – намного громче, чем в первый раз, я почти оглох. Мамина рука ослабела, она больше не сжимала мою ладонь. Из-под корзин с криком выбежала Мэри. Я пытался ухватиться за ее руку, но она растворилась в темноте. Я не видел, что с ней произошло, и не слышал ничего, кроме ужасного дыхания человека, который склонился

надо мной...

Глава 1

События от первого выстрела и до момента, когда я отключился, я не помню. Несколько лет терапии, которые я прошел уже взрослым, выудили из памяти жалкие подробности того дня, но я не думаю, что они настоящие. Событие лета 1999 года в Орехово-Зуеве было разобрано до мельчайших деталей следователями, работавшими по делу. Несмотря на тщательную проработку преступления, преступника так никто и не отыскал. Кроме того, по истечении нескольких лет материалы дела попали в прессу, и в день, когда мне исполнилось шестнадцать и я покинул интернат, газеты снова вспомнили о загадочном преступлении и осветили его по полной.

Из газет я узнал подробности, о которых не знал, но мог догадаться.

Отца и Костика убили одним выстрелом, потому что Костик спал на руках у папы. Маму застрелили в лицо, а в Мэри убийца не попал. Когда он убил маму, она выпустила руку Мэри, малышка убежала и упала с утеса. Ответить на вопрос, сама ли она упала или ее столкнул убийца, никто не мог.

А я остался жив.

Я не помню, что говорил приехавшим милиционерам и что говорили они, а с момента, когда меня забрал дядя Во-

ва, вплоть до момента, когда я попал в детский дом, мне никто ничего не рассказывал. Потом, уже в детдоме, психолог осторожно расспрашивал меня о событиях у Черной речки, но ничего внятного мне не вспоминалось. Наверное, мозг заблокировал детали, я помнил только одно: мамы, папы, Костика и Мэри больше нет, их убили у Черного озера, теперь есть только я и дядя Вова. И еще кое-что: я был уверен, что меня убьют. Я не знал, на чем зиждется эта уверенность, и спросить было не у кого: никто на эту тему со мной уже не разговаривал. В то время не было Интернета и раздобыть какую-либо информацию не представлялось возможным, архивов у нас тоже не было.

Дядя Вова забрал меня из интерната в шестнадцать лет, я получил доступ к газетам и смог сам выяснить все, что было известно об этом преступлении.

В газетах писали, что выживший мальчик, то есть я, дал описание преступника: высокий страшный мужчина, большая, намного больше папы, выше и сильнее, он был в черной куртке, перчатках, бородатый. А еще было написано, что я повторял одно и то же: *«Он обещал прийти за мной, обещал прийти за мной»*.

Вот оно! Я забыл этот момент, но слова, должно быть, отложились в подкорке. Иначе как объяснить мою уверенность, что убийца придет за мной, которая возникла еще до того, как из газет я узнал о словах, сказанных в ту ночь милиционерам? Я не помнил четко ничего из того вечера,

кроме въезжающей на наш утес машины и запаха выхлопов и сгоревшего пороха. Так или иначе, ощущение, что жить мне осталось недолго, всегда было со мной, с того самого дня.

Долгое время ощущение оставалось эфемерным, не сформулированным. Оно не надоедало мне, не пугало меня и совершенно не представляло опасности для окружающих. Можно сказать, я даже не думал об этом, потому что в моей голове не было этого понимания. Я не знаю, как так получилось: я забыл слова, но помнил их сущность. Мои слова сформировались в некое подобие рамок, которые отсеивали любые предложения, которые требовали большого периода времени для их исполнения, либо не вмещали в себя перспективу получения быстрой пользы, и я жил с подобной установкой, даже не понимая, что это происходит.

Эти рамки я пронес через всю свою жизнь вплоть до сегодняшнего дня.

Уже после того, как я прочел в газетах о своих словах, я стал понимать суть своих отдельных поступков, хотя раньше не совсем понимал и был уверен, что я просто придурок или просто так хочу. Мои друзья по интернату смеялись надо мной, не понимая, как я могу отказаться от учебы в университете, ведь у сирот столько привилегий! Мне обещали не просто какой-нибудь занюханый столичный вуз, мне гарантировали МГУ! А я отказался не только от университета, но даже от техникума, я решил не продолжать учебу по-

сле девятого класса, и дядя Вова забрал меня к себе. Мои друзья планировали совместную жизнь с девчонками, с которыми познакомились здесь же, в интернате. А я – нет. Я встречался только с теми девчонками, которые не планировали выходить замуж за парня из интерната. Я не планировал свою дальнейшую судьбу и после прочитанных газет понял почему: потому что я был уверен, что у меня нет будущего. Был уверен, что моя жизнь оборвется внезапно, точно так же, как оборвались жизни мамы, папы, Мэри и Костика.

Я не знал, почему убийца не застрелил меня в тот день. На этот вопрос тоже никто не смог дать ответ. Я не убегал, не звал на помощь. К моменту, когда на утес приехала милиция и все стало предметно документироваться шаг за шагом, я просто стоял у дерева, за которым лежало тело мамы, смотрел на Черное озеро, в которое упала Мэри. В каждой руке у меня было по корзине с мусором.

Криминальные газеты вырабатывали миллионы версий, и ни одна из них так и не была доказана правоохранителями. Насколько я могу судить, главная версия вращалась вокруг меня – почему убийца пощадил мальчика? В тот день мне было всего десять лет, и никто не подозревал меня в соучастии, поэтому сделали вывод о том, что своими действиями я как-то повлиял на планы убийцы. Судя по тому, что он обещал за мной вернуться, я его напугал. Как я это сделал, я не знаю.

С тех пор прошло почти шестнадцать лет.

Навязчивая идея, что убийца вернется завершить начатое, не оставляла меня ни на один день. Я так и не выучился ни на какую профессию, не получил никаких навыков, которые помогли бы мне выстроить карьеру. У меня нет постоянной девушки, потому что все сбегали, как только понимали, что никаких планов на совместное проживание и строительство радужного будущего у меня нет.

Я живу один в трехкомнатной квартире, которая досталась мне в наследство. Дом в Орехово-Зуеве по-прежнему стоит, я отдал его в распоряжение дяди Вовы, и он живет там круглогодично. У него тоже есть квартира в Москве, и он сдает ее, а деньги отдает мне, хотя я в них не нуждаюсь. Но это вопрос очень болезненный и спорный, я деньги беру, но не трачу. Когда-нибудь дяде Вове они пригодятся, и он будет вынужден принять их от меня. У него ведь больше никого нет.

Я получил достаточно большие деньги в наследство от отца, а еще у мамы была своя недвижимость, однокомнатная квартирка в Кузьминках, которую я также сдаю и исправно получаю деньги. В маминой квартире я сделал хороший ремонт, купил дорогую мебель и сдаю ее за приличную сумму.

Я не знаю, что буду делать дальше. Я ни к чему не стремлюсь. У меня нет желания жениться, обзаводиться детьми, начать жить нормальной жизнью. Со временем я понял, что просто жду, когда наступит тот самый день икс и все станет на свои места.

Постепенно эта мысль вжилась в подкорку, и я стал готовиться к этому – не брал кредитов, не давал долгих обещаний, старался чаще видаться с друзьями и никогда не ругался с ними, хотя порой хотелось даже врезать. Я не хотел отягощать их жизнь пониманием, что в нашу последнюю встречу мы поругались. Я не планировал отпусков, и если подворачивался выгодный вариант с путешествием, то покупал билеты, собирал чемодан и летел тем же днем. Я никогда не знал, что буду делать на будущий Новый год и как проведу лето. Я жил каждым днем, и утром был готов к тому, что этот день будет последним. У меня было готово завещание и даже костюм, в котором я бы хотел быть похороненным, – он висел в шкафу в полиэтиленовом чехле, на котором написано: «похороните меня в нем». В завещании есть упоминание об этом, на всякий случай я даже описал этот костюм: темно-синий костюм-тройка Louis Vuitton, сорочка молочно-белого цвета, галстук матовый, синий, туфли черные, лаковые. В кармане пиджака лежат чистые белые боксеры и носки. И приписка – хоронить на третий день, перед захоронением не брить, чтобы отросла трехдневная щетина. Волосы зачесать назад. Гроб я тоже попросил темно-синий, под цвет костюма.

В одной из комнат, которая раньше принадлежала Мэри, я устроил зал славы. В этой комнате не было обоев, только мои фотографии – в разных костюмах, плакаты с рекламой, на которых умелые фотографы запечатлели меня, фото с мероприятий, которые попали в газеты. Во всех снимках я

видел только себя, проживающего один из дней, который я считал последним. Но на всех фотографиях можно заметить одно – я член семейства Даниловых. Выразительное и мужественное лицо, чуть грубоватые скулы, доставшиеся от отца, мамины темные густые волосы, пухлые папины губы и большие голубые глаза, точь-в-точь как у мамы.

Я не публичный человек, но моих изображений в Интернете очень много. После того как дядя Вова забрал меня из интерната, я попросил его отправить меня в модельную школу. Что такое модельное образование? Да просто фарс, вытягивание денег из родителей. Родителей у меня не было, а деньги были. Учиться требовалось не пять и не восемь лет, а профессия на руках. Когда я закончил эту школу (по прошествии семи месяцев), я понял: образования и профессии у меня как не было, так и нет. Зато у меня появился агент, которому удалось продать мое время для съемок.

Моей первой работой стали съемки для подростковой коллекции одежды, преимущественно джинсов. Я не бегал на пробы, не участвовал в кастингах, не стремился заключить контракты. У меня был один договор с моим агентом, который от моего имени заключал сделки. Главным условием каждой сделки были съемки в ближайший день и постоплата, в противном случае сделку я не признавал и ничего не гарантировал. К каждому контракту, который подписывал агент, прикладывалась рукописная расписка от заказчика, что с этим условием он ознакомлен и согласен. Никаких

долгоиграющих обязательств. Не хочу оставлять после себя долги и неотработанные деньги.

В модельном бизнесе я уже не один год, и пора бы уже либо вытягиваться вверх (имею в виду, на самый верх и становиться звездой), либо уходить на пенсию. Я, естественно, выбрал второе, но мой агент почему-то посчитал, что может что-то выбрать за меня, и поэтому я иду в суд.

Я решил подать в суд на своего агента в тот же день, когда он притащил мне контракт, подписанный от моего имени на основании той доверенности, которую я ему выдал. В доверенности не указано, что его право на сделки от моего имени ограничены требованием о быстротечных обязательствах, это было в нашем с ним договоре, и это подтверждают все мои сделки, совершенные им от моего имени по той самой доверенности, которую год за годом мы продлеваем.

Агент заключил договор с российским представительством модного дома «Бурлеск» на мое участие в их рекламной кампании, которая включает в себя рекламу новой линии одежды для мужчин и туалетную воду. На год!

– Что ты наделал, Алекс?! – кричал я. – Ты понимаешь, что у меня возникли обязательства длиною в год?!

Я редко выхожу из себя, но сегодня мой агент меня поразил. Я сначала подумал, что это розыгрыш. Но все оказалось не так смешно, когда я увидел договор, названный по-буржуйски «контрактом», и к нему не было прикреплено уведомление об условиях исполнителя, которое я требо-

вал прикреплять к каждому договору. Больше того, прямо под преамбулой договора имелась фраза, выделенная жирным и красным: «один год с даты подписания договора». Ровно год!

– Немедленно звони и сообщи им, что я не смогу исполнить этот контракт, – потребовал я.

– Я не могу, ты уже получил деньги.

– Я переведу их обратно!

Я не получал смс-сообщение от банка, а у меня очень надежный банк. Дорогой, но очень надежный. Он никогда меня не подводил и всегда вырубал сию минуту, а не через тридцать дней, как делает большой государственный банк. Но сегодня мой любимый банк меня подвел – я зашел в мобильный банк и увидел на счете совершенно не ту сумму, которую ожидал. Все мои крупные деньги лежат на депозитах прямо тут, в моей руке на дисплее телефона, но на расчетном счете лежала тоже очень крупная сумма, почти миллион рублей. Вчера еще там было не больше двадцати тысяч, а сегодня – почти миллион. И никаких смс о пополнении счета!

– Нельзя, Ваня, ты должен будешь неустойку в пять миллионов рублей.

– Ты идиот, Алекс!

Пинком под зад я выгнал Алекса из своей квартиры и заметался, собирая в портфель какие-то бумаги, паспорт, кошелек и копию контракта. Выбежав из дома и сев в машину, я позвонил дяде Вове, попросил его связать меня с его

адвокатом.

– Я могу спросить, что у тебя случилось?

– Алекс заключил сделку длиной в год, вот что случилось, дядя Вова!

– Может быть, это не так плохо, Ваня?

– Дядя Вова, я не обсуждаю твою жизнь, а ты не тронь мою! – рывкнул я, хотя не хотел. Я не хотел обижать дядю Вову, но сейчас мне было непросто, мне требовалась поддержка, а не осуждения моих рамок.

– Ладно, делай как знаешь. Мой адвокат по уголовным делам, а тебе нужен арбитражный, коль уж это касается вопросов бизнеса. Я пришлю тебе адрес и телефон хорошего юриста.

– Спасибо, – буркнул я.

– После заедь ко мне, – велел дядя Вова.

– Хорошо.

Я включил радио и выехал с парковки, направив машину в сторону центра. Все хорошие адвокаты сидят в центре, в душных офисах с отвратительной парковкой. Надо быть готовым простоять в пробке фигову тучу времени, а потом припарковаться фиг знает где и топтать фиг знает сколько пешком. Алекс мне заплатит за все! Может быть, сегодняшний день – последний и по приезде домой меня ждет убийца, а я провел этот день в пробке или в офисе у адвоката! Алекс, ты идиот!

А вот и он звонит, кстати.

– Да, идиот.

– Ваня, не надо так... Если бы ты меня выслушал, то, думаю, ты проникся бы...

– Алекс, мне плевать на твои доводы, понимаешь? Я не разрешал тебе эту сделку, это против правил, и ты прекрасно это знаешь. Но ты сделал по-своему, и теперь я могу попасть на пять миллионов. Отличная работа, дружище!

– Послушай, в контракте есть пункт, который аннулирует твои обязательства в случае смерти...

– А если я не умру? – заорал я. – Если опять выживу, но не смогу ходить? Буду валяться на койке без движения и срать под себя! Нужно такое лицо рекламе brutальных духов?

– Э-э-э... – замялся Алекс.

– Не подумал, да? Не будет работать твой пункт? А тебя не смущало, что я просил тебя не заключать сделок с долгоиграющими обязательствами? Тебе не приходило в голову, что я не ответственности боюсь, а просто не желаю оставаться в должниках пусть даже после смерти? Нет?

На том конце провода повисло молчание. Алекс думал своей головой какую-то мысль, которая пролетала со скоростью звука мимо извилин. Как же я связался с таким идиотом?

– Ты знаешь, что я сейчас понял, Вань? – наконец сказал Алекс удивительно спокойным голосом. – До меня вдруг дошло. Да ты просто зажавшийся козел, и все. Ты спокойнорываешь контракты, о которых люди мечтают годами, по-

тому что ты ленивый, зажавшийся козел. Тебе не нужны эти контракты, потому что у тебя и так все есть: жилье, деньги, машина... У тебя есть все, что люди зарабатывают потом и кровью. Тебе это досталось просто так, и ты не понимаешь, сколько труда нужно вложить, чтобы все это получить. Нам и правда не по пути, делай что считаешь нужным.

Я повесил трубку и заблокировал звонки от Алекса. Тоже мне нашелся проповедник и судья великий!

Пришло смс от дяди Вовы с контактными телефонами юриста Светланы Олеговны Завидовой. Я набрал ее тут же.

– Алло, – ответил спокойный красивый голос.

– Добрый день. Светлана? – агрессивно начал я.

– Да, это я.

– Меня зовут Иван Данилов, ваш номер мне дал мой дядя, Владимир Данилов. Мне очень нужна ваша помощь в судебном разбирательстве. Насколько я могу понимать, это дело арбитражное.

– Да, Владимир Витальевич звонил мне, приезжайте. У нас офис на Цветном бульваре, я встречу вас на рецепции.

– Хорошо, минут через двадцать буду.

Я припарковался на Неглинке (сам не понимаю, как мне удалось), добежал до входа в бизнес-центр, вошел в здание и тут же был остановлен охранником, который предложил мне пройти через металлоискатель. Я хотел предложить ему кое-что другое, но увидел внимательный и спокойный взгляд милостивой девушки, в которой предположил адво-

ката Светлану, и решил быть послушным, чтобы не спугнуть ее. Хотя у меня внутри все кипело от злости.

– Добрый день, Иван, – поздоровалась девушка, которая и в самом деле оказалась Светланой.

Она была молода, лет двадцать пять или двадцать восемь, не больше. Невысокая, худенькая и блондинка. В общем, идеальная картина. Вот только я предпочел бы танкообразную бабу, которая одним своим видом напугает «Бурлеск». А эта милаха выглядит слишком сексуально и ужас не вселяет. Светлана была на высоченных каблуках, таких, что на изогнутой дугой верхней части стопы повылазили жилы. Кремовый деловой костюмчик был совсем тоненький, а распущенные по плечам волосы придавали ее образу еще больше легкости. Аккуратный курносый носик любопытно втянул воздух возле меня, а большие карие глаза едва дрогнули – в знак одобрения, вероятно.

– Очень приятно познакомиться, Светлана, – вежливо ответил я и пожал поданную Светланой руку. – Где мы могли бы поговорить?

– В переговорной в нашем офисе. Следуйте, пожалуйста, за мной.

Еще раз бросив быстрый взгляд на меня, Светлана поджала губы, повернулась на каблуках и стремительной походкой последовала по коридору до лифта, на котором мы доехали до двенадцатого этажа, вышли, прошли по коридору мимо открытого офиса, заключенного в стеклянные стены.

Слева от меня стеклянная стена, за которой гудят своей жизнью Цветной бульвар и Трубная площадь; справа высокие стеклянные же перегородки, за которыми работали десятки людей. Гвалт там невероятный, и стена лишь немного приглушает его. Справа располагались комнаты за стеклянными дверями, я видел людей, которые сидели в этих переговорных, но не слышал, о чем они говорят.

– В пятой переговорной нам будет удобнее всего. Кофе, чай?

Я уже уселся за стол и вывалил на него содержимое своего портфеля. Я терпеть не мог бумаги и не разбирался в них совершенно. Все, что мной было подписано или заключено, проходило предварительную проверку у дяди Вовы, так было заведено с самого начала. Но это дело требовало вмешательства опытного адвоката.

И я доверял дяде Вове с выбором, хотя Светлана, на мой взгляд, выглядела слишком молодо. Она предложила чай или кофе, лучше бы она предложила решение моей проблемы немедленно, прямо сейчас и желательно быстро.

– О, спасибо, мне ничего не нужно, – ответил я. – Я бы хотел начать как можно скорее.

– Хорошо, я вернусь к вам через минуту.

И оставила меня одного, в развале моих бумаг.

Светлана вернулась спустя несколько минут, за которые я успел многое осознать. Во-первых, мои проблемы – это мои проблемы, и других людей они касаются только в части их финансовой выгоды. Поэтому, для того чтобы заинтересовать человека в решении моей проблемы, я должен установить финансовую зависимость и вызвать алчность. По-другому едва ли получится.

А еще я понял, что Светлана слишком молода, чтобы защищать мои интересы в деле против «Бурлеска».

– Иван, я вас внимательно слушаю, – сказала Светлана.

Она села напротив меня, не сдвинув ни единой моей бумажки, положила на стол большой блокнот и приготовилась что-то записывать.

Я быстро обрисовал ситуацию, выразил надежду на то, что у Светланы прямо сейчас есть несколько вариантов решения моей проблемы, и попросил ее в первую очередь озвучить варианты, затем стоимость ее услуг, а уж потом перейти к детальному обсуждению.

Но ошибся.

– Иван, я не вправе предлагать вам какие-либо варианты, пока не изучу дело. Для этого потребуется некоторое время, но я очень рада, что вы подготовились и захватили с собой столько документов. Естественно, пока я не пойму, с чем мы

с вами имеем дело, я не могу обозначить гонорар. Могу я взглянуть на спорный контракт?

Я подал ей договор на ста с лишним листах, скрепленный подписью моего агента, сшитый как судебное дело, на нем даже корочка имелась: «IVAN DANILOV & BURLESQUE». Светлана взяла договор в руки, аккуратно открыла и начала просматривать. Она бегло листала странички, где-то останавливалась, что-то внимательно читала и даже перечитывала, что-то выписывала в свой блокнот. На изучение документа у нее ушло минут тридцать, и все это время я старался разобраться с бумагами, которые приволок с собой. Там были: доверенности на Алекса, мои старые договоры, какие-то акты выполненных работ, что-то о квартире (какой-то договор об обслуживании), документы о принятии наследства (откуда это здесь?), полис ОСАГО на машину, счета из химчистки, выписки из банка и оригинал моего свидетельства о рождении. Ну и беспорядок у меня в документах, черт возьми.

Я отсортировал документы в две стопки – относящиеся к работе и все остальные.

– Иван, скажите, а почему «Бурлеск» не согласился с вашими условиями? Почему потребовалось заключать договор именно на год? Почему нельзя было подписать договор, согласно которому вам бы платили за фактически отработанное время? Ведь это не трудовой договор, а договор на оказание услуг.

– Потому что «Бурлеск» заинтересован в постоянном лице для своих рекламных кампаний. Вы знаете, как происходит процесс?

– В общих чертах.

– Этого недостаточно, – ответил я. – Мне придется вам рассказать. Итак, «Бурлеск» выбирает для сезона определенную модель, которую хочет видеть в своей рекламе. Далее выбирается первичная стратегия, которая разрабатывается с учетом прошлого опыта. Соответствующий материал снимается – фотографии, видео. Все обрабатывается, и осуществляется запуск рекламной кампании. А дальше эта кампания корректируется с учетом отзывов клиентов, продаж. Если нужно усилить рекламу какой-то модели, то снимается соответствующий ролик, делаются дополнительные фотографии. Кроме того, рекламный отдел не всегда успевает забронировать рекламные площади в соответствующих изданиях, и считается неприличным использовать один и тот же рекламный макет на страницах одного и того же журнала.

– А почему нельзя сделать все и сразу? Зачем тратить время модели, фотографов, дизайнеров? Неужели нельзя отснять все модели одежды сразу, а потом использовать то, что нужно?

– Это очень дорого. Как вы видели из моего договора с «Бурлеском», я получаю единовременный гонорар за участие и мне оплачивают каждый час работы. Поэтому снимают все экономно, минимум того, что нужно. У всех осталь-

ных контракты точно такие же. Еще немаловажно: участие в промо-мероприятиях, они случаются, как правило, спонтанно, и участие основной модели сезона в таком мероприятии – обязательно.

– А почему нельзя платить только за фактическую работу?

Я так и не поняла.

– Потому что мне выплатили единовременный гонорар. Этим они выкупили первоочередное право на мое время. Я имею право участвовать и в других рекламных проектах, только не у конкурентов, но когда назначаются съемки в «Бурлеске», я должен быть независимо от того, есть ли у меня на это время или оно занято на других проектах.

– А если вы заболите?

– И что? – не понял я.

– Ну и не сможете участвовать в съемках, к примеру?

– Почему не смогу? Очень даже смогу.

– С температурой и ознобом?

– А что здесь такого? – удивился я. – Все же на месте, руки, ноги, тело. Красный нос загримируют, цвет глаз выровняют... Это не проблема и не основание для переноса съемок. В прошлом году я подхватил очень неприятный грипп, валялся почти в коме. Мне позвонил Алекс и вызвал на съемки, я хотел было отказаться, но к тому времени я лежал уже вторую неделю. Я понял, что мне лучше поработать, начать жить, иначе я рисковал вообще не встать. Я собрался, поехал. Заразил там всех, но это не моя проблема. На следу-

ющий день снова были съемки, я опять участвовал. А потом даже и не понял, когда выздоровел.

– Но это неправильно. Вы ведь заразили людей.

– В этом бизнесе не принято считаться с чужими интересами и проблемами. Поэтому я приехал к вам: «Бурлеску» плевать на мои условия, они не расторгнут контракт.

Светлана кивнула и снова углубилась в документы. Она читала, я же нетерпеливо буравил взглядом ее лоб. Но ее это не смущало, и она снова перелистала весь договор, останавливаясь на одной ей понятных местах.

– Стоит начать с того, что никто не вправе вам запретить расторгнуть контракт, Иван, – сказала Светлана, положив бумаги на стол. – Вы, как исполнитель по этому договору, вправе в любой момент расторгнуть его.

– Но мне придется выплатить неустойку.

– Нет, никаких неустоек вы выплачивать не должны.

– Но в договоре написано...

– Нет, ничего подобного там не написано, как я и предполагала.

– Но я своими глазами видел: пять миллионов рублей.

– Такой пункт действительно есть, но давайте внимательно прочитаем, о чем сказано в этом пункте: «В случае досрочного расторжения настоящего контракта Исполнитель обязуется возместить Заказчику все причиненные таким расторжением убытки, размер которых составляет безусловно пять миллионов рублей, и все, что Заказчик сможет

доказать свыше».

Я внимательно слушал Светлану, надеясь услышать, что-то вроде «Исполнитель не обязан выплачивать ничего, а пять миллионов рублей, указанные в настоящем пункте, всего лишь привлекают внимание, не более». Но не услышал. А услышал, что я обязан выплатить пять миллионов в случае досрочного расторжения!

– Ну и что? – в нетерпении спросил я.

– Ну здесь же ясно сказано: убытки. Да, они прибегли к весьма спорной формулировке, указав, что безусловный размер убытков составляет пять миллионов рублей...

– И больше, если смогут доказать! – добавил я.

– Нет, Иван, не совсем так. Доказывать они должны будут каждый рубль.

– И даже пять миллионов?

– И даже их. Причем они должны доказать, что своим досрочным расторжением вы причинили или причините им убыток в размере пяти миллионов рублей. Ваш отказ от договора должен прямо причинить им убыток в таком размере. Но это не неустойка. Неустойка – это безусловная выплата в случае нарушения условий договора, но по договору возмездного оказания услуг неустойку применять нельзя, это прямо противоречит закону.

– Я совершенно запутался.

– Это юридическая уловка. С точки зрения закона придраться не к чему. Указывая, что пять миллионов рублей –

безусловный убыток, они не нарушили закон. Они должны доказать это по вашему требованию, если выставят вам счет.

– А что может быть убытком?

– Убыток – это прямые затраты, которые «Бурлеск» понесет или должен будет понести в связи с вашим отказом от договора. Например, если какие-то площади в журналах бронированы именно для размещения рекламных материалов с вашим участием и с другими людьми рекламу просто не поставят, потому что так договорились, и вы отказываетесь от договора, то штраф, который они получают, – это будет их прямой убыток в результате вашего отказа.

– Едва ли такое возможно, – засомневался я.

– Согласна, поэтому, я думаю, стоит назначить переговоры.

– С «Бурлеском»?

– Да. Вам ведь не известна их позиция.

– Известна. Они сказали: «Нет». Я настоял, и они ответили, что стоимость расторжения договора составит пять миллионов рублей.

– Вам это агент ваш сказал?

– Да.

– Нам нужно услышать эти условия от них. Но я думаю, они скажут совсем другое, когда мы с вами придем на встречу вместе.

– Хорошо. Обсудим ваш гонорар?

– Пока рано. Мы ведь еще не знаем, с чем имеем дело.

Может быть, речь идет только о переговорах и составлении соглашения. Или о судебном процессе. Как вы понимаете, это разные деньги. Поэтому сейчас мы подпишем договор на фактически затраченные часы, и в конце каждой недели вам будут присылать счета и отчеты о затраченном времени, вам нужно будет их оплатить.

– Договорились.

– Я свяжусь с вами, когда назначу встречу в «Бурлеске».

– Хорошо, спасибо!

Мы со Светланой подписали договор, я собрал свои бумаги и уехал.

* * *

Как и обещал, после визита к адвокату я поехал в Орехово-Зуево, к дяде Вове. Дорога заняла почти три часа, и я успел хорошенько остыть и даже кое о чем подумать. Ситуация с «Бурлеском» была катастрофической, это факт. И Алексу я сказал чистую правду – я знаю, что мне осталось недолго жить, и не хочу, чтобы после моей смерти мое имя мусолили в связи с невыполненными обязательствами, а мое имущество растягивали на неустойки и в счет погашения убытков. Всего этого я не хочу! Если Светлане удастся аннулировать договор, то все будет хорошо. Может быть, я поймею кучу проблем с дальнейшими проектами, возникнут сложности в заключении новых договоров, но я не так силь-

но от них завишу. Может быть, и вправду пора выйти на пенсию? Закончу процесс и не стану унижаться и объяснять всем свои мотивы, просто закроюсь и буду доживать остатки отведенных мне дней в свое удовольствие... Денег мне хватает, ничего не предвещает, что мне потребуется большая сумма для жизни.

На выезде из Москвы образовалась пробка, навигатор рассчитал примерное время ожидания в полчаса, и я набрал Алису, мою подругу, с которой мы встречались уже полгода. Никаких обязательств, естественно, никаких гарантий. Просто общение, просто секс.

– Привет, Ваня, – ответила Алиса.

– Привет. Как ты?

– Отлично. А ты?

– Да также. Образовались проблемы, но все решаемо.

Встретимся?

– Сегодня?

– Ну да.

– Разве что ночью, работаю допоздна сегодня.

– Я поехал к дяде Вове, а потом домой. Часам к десяти буду, – сказал я.

– Отлично. Увидимся у тебя в половине одиннадцатого.

Алиса работала в фитнес-клубе инструктором. Там, собственно, мы и познакомились. Был у меня период, когда я решил пойти в «обнаженку», и для этого требовалось привести тело в более привлекательный вид. «Обнаженка», то есть

реклама нижнего белья, была невозможна без подиума. В показах я участвую нечасто, но все же бывает, когда условием для съемок служит обязательное участие в показе. Для меня это всегда стресс – я боюсь, что в день показа прямо с утра меня грохнут и я не успею пройтись по «языку». Поэтому за такие заказы Алекс получал всего один процент от гонорара, и их было крайне мало. В большинстве своем моя работа исключительно съемки – здесь Алекс получал двадцать пять процентов, и его это устраивало.

Ну так вот, для обновления портфолио я решил подтянуть мышцы, обзавестись кубиками и сделать руки более рельефными. Я купил клубную карту и сразу пакет из сорока тренировок. Моим тренером была Алиса, судя по ее анкете в отделе продаж, ее специализацией было именно создание красивого тела. Оглядев меня в первый день, она сказала, что «есть с чем работать», и приступила. Результатом изнуряющих тренировок за три месяца стали весьма отчетливые кубики на прессе, упругие ягодицы и полное отсутствие жировых отложений. А еще мы стали встречаться, правда, я сразу поставил все точки над «и» и сказал, что никаких планов нет и быть не может. Алису мои правила устроили. Мы не следили за жизнью друг друга и общались на любые темы, кроме любви, привязанности и дружбы. Алиса была отличным партнером, уступчивым, опытным, и очень любила секс. Нам было хорошо, но мы были не вместе.

Как-то раз я увидел ее в компании с молодым человеком

и внимательно прислушался к себе – ревную или нет? Оказалось, что нет. Совсем ничего не чувствую, только небольшое разочарование – сегодня Алисе явно не до меня. Может, завтра?.. Увиденное мы никогда не обсуждали. В моем телефоне нет Алисы даже в контактах в чатах, мы с ней не переписывались. Любая коммуникация осуществлялась по телефону голосом, мы договаривались о встрече, и все. Всех все устраивает.

С «обнаженкой», кстати, так ничего и не вышло. Алексу не удалось пробить ни единого контракта – везде требовалось участие в показах, а я не хотел. Хотя один показ был, меня попросили заменить заболевшего парня, и я вышел на подиум в трусах сначала одного цвета, потом в черных боксерах, самых обычных, на мой взгляд, а потом в плавках, и на том все закончилось. Результат мне не понравился ни по деньгам, ни по тому, что случилось дальше. Меня завалили письмами с предложениями об оказании сексуальных услуг, причем большинство предложений поступило от мужчин. Деньги предлагали куда более значительные, чем мне заплатили за показ, и разочарований было масса, когда я отвечал отказами. Один мужик прямо сказал, что мне нечего делать в «обнаженке», если я не собираюсь подрабатывать своим изумительным телом, потому что показы – это не для брендов, это витрина для проституток. Так работать я не собирался и запретил Алексу какую-либо деятельность в области «обнаженки».

В общем, из всего этого опыта с «обнаженкой» я извлек только одну пользу: Алису, и это уже было немало.

Дядя Вова был на даче один. Сад в идеальном порядке, в беседке у дома подготовлен стол для нашего разговора. Тут же – раскрытый ноутбук, видимо, дядя работал.

– Как продвигается новый роман? – спросил я с улыбкой. Мне было немного неловко за то, что я нарычал на дядю, но его теплая улыбка меня успокоила.

– Двигается с трудом, но двигается. Спасибо, что приехал, Ваня.

Дядя Вова был известным писателем. Но не в России. Ему так и не удалось опубликовать ни одного романа на русском языке, зато в Европе его книги расхватывали с астрономической скоростью. Однажды его литературный агент сообщил, что крупное российское издательство желает перевести роман и издать в России, дядя Вова ответил категорическим отказом. Он писал свои книги на английском языке и давно считал себя писателем из Европы.

Его последняя книга вышла тиражом в двести пятьдесят тысяч экземпляров в Лондоне, и за полгода тираж по всей Европе составил почти два миллиона экземпляров. Я очень гордился дядей Вовой и никогда не звал его Майклом, как было написано на его книгах. Дома у меня есть все романы Майкла Камильтона, и это предмет моей гордости – ведь я прочитал их все на английском и выучил язык именно на них.

– Расскажешь о новой книге? – спросил я, усаживаясь за стол. На улице было нежарко, даже прохладно. И дядя подал мне плед, в который я тут же закутался.

– Не расскажу. Ты же знаешь, если я расскажу о новой книге, то никогда не смогу ее написать. Хотя язык очень чешется, мне кажется, что это самая сильная моя вещь. Я даже думаю разрешить ее издание в России.

– Почему? У тебя много сильных вещей, дядя Вова! Тот же «Перекресток» или «Сумеречная правда» – бестселлеры. В России они бы были очень популярны.

– Все так, но только в новой книге героем будет русский парень по имени Иван и часть действия пройдет здесь, в Москве.

– Что?!

Это было неожиданно. Дядя Вова пишет уже двадцать с лишним лет. Когда я вышел из интерната и жил здесь, в Орехово-Зуеве, дядя написал свой самый громкий роман «В моей памяти», который до сих пор переиздается тиражом в сто тысяч экземпляров во всем мире, кроме России, его герой – русский парень-эмигрант, который не мог оставить в прошлом свою жизнь в СССР. Несмотря на огромный успех романа, дядя Вова не любит «В моей памяти» больше всех и старается не говорить об этой книге. Я всегда думал, что это из-за того парня, который из СССР.

Но никогда действие в книгах дяди Вовы не происходило в России.

– Что заставило тебя перенести действие романа в Москву? И назвать главного героя моим именем?

– Ты заставил. И твоя жизнь, Ваня.

– Ты обо мне книгу пишешь?!

– Нет, я пишу один из вариантов развития событий, самый плохой, который я вижу. И я не хочу, чтобы у тебя случилось все именно так.

– Не боишься накаркать?

– Ты не рад, что Майкл Камилтон напишет книгу о тебе?

– Рад, конечно! Это очень неожиданно. И приятно.

Но твои слова о варианте моего финала меня пугают, если честно...

– А ты не бойся, – сказал дядя, – ты исправляйся. Начни заниматься своей жизнью.

Я вздохнул. Кофе был горячим и вкусным, я был рад видеть дядю. Но я был не рад вести беседу, которую он начал. И уж тем более я сомневался, что с удовольствием прочитаю новую книгу Майкла Камилтона о самом плохом варианте финала моей жизни. Его книги стали своеобразным маяком для меня – это было единственное, чего я ждал долго, год или два. Обычно я ничего не жду, и понятно почему. Но дядя был непреклонен и никогда не открывал мне сюжет новой книги до момента, пока я не прочитаю ее в виде книги, в обложке, выпущенной из типографии. Он никогда даже рукописи мне не показывал, и в детстве у нас был квест «Найди рукопись». Я не нашел ее ни разу.

– Дядя, этот разговор обречен на провал.

– Не согласен, – возразил он, и морщинки у глаз весело заиграли. – Давай обсудим твой сегодняшний форс-мажор. Чего боишься ты?

У дяди Вовы были точно такие же глаза, как и у папы. Хотя я и не помню лица папы в деталях, только по фотографиям, но я помню это выражение глаз. Добрых, тигриных, в которых таится какая-то опасность, но опасность не для меня, а для других. Подобное чувство испытывают, когда видят дрессировщика, обнимающего огромного тигра. Опасный зверь в объятиях куда более опасного для него хозяина. Дядя уже не молод, но выглядит очень хорошо, он следит за своим здоровьем, внешностью, регулярно проходит всевозможные косметические процедуры. Но Майкл Камилтон никогда не «торговал» лицом, хотя все данные у него для этого были.

Своей внешностью я пошел в отца, а они с дядей Вовой очень похожи – оба высокие, статные и фигуристые брюнеты, с мужественным лицом, большими глазами, пухлыми выразительными губами. Когда мы фотографируемся с дядей Вовой, сразу видно, что мы родственники.

Дядя Вова смотрел на меня отцовскими глазами и отпивал из кружки отцовскими (и моими тоже) губами, а разговор вел совершенно не по-отцовски. Папу никогда не волновали чувственные и событийные аспекты. Ему было важно, чтобы я был здоров и улыбался.

– Ты все знаешь, к чему перелопачивать все это? Я начну приводить свои аргументы, ты выложишь свои, я давным-давно их знаю, как и ты. Даже если мы все обговорим в очередной раз, ничего не изменится. Ни новых аргументов, ни новых решений не появится. Зачем?

Дядя улыбнулся, отчего его глаза стали еще более хитрыми, а опасность заколебалась где-то совсем близко: протяни руку, и она упрется во что-то сильное, чему я не смогу сопротивляться.

– Ты растешь, взрослеешь, Ваня. Когда-нибудь твои аргументы рассыплются, а новых ты так и не придумал. Предлагаю тебе решать проблемы заранее.

– Не мой стиль, – улыбнулся я. – Я решаю проблемы по мере их поступления.

На это дядя просто махнул рукой.

– И все-таки давай вернемся к твоей проблеме. Я так понял, Алекс заключил контракт от твоего имени на год, верно?

– Да.

– И ты решил его оспорить в суде?

– Да.

– И что сказала Светлана?

Я пересказал дяде все, что сказала мне адвокат, и он нахмурился.

– Ты знаешь, она права. Я не сильно разбираюсь в законах, но, если следовать логике, неустойку они назначать и вправ-

ду не могут. Подумай сам: смысл оказания услуг в том, что личность исполнителя почти что самое главное в этом договоре. А раз так, исполнитель вправе отказаться ровно так же, как и заказчик. Вот если бы исполнителя можно было заметить, другое дело – тогда ищите замену, а договор исполните. Но это договор заключен с совершенно определенным человеком, и никто, кроме него, исполнить этот договор не может. Ну и тут логично предположить, что никто никого насильно заставляя работать не имеет права, значит, расторгнуть действительно можно. А вот убытки ты им погасишь. Ты согласен с этим?

– Ну пусть сначала докажут их!

– Ваня, Ваня, – дядя примирительно поднял обе руки, – я на твоей стороне, пусть даже ты не прав! Но давай рассуждать здраво: ты согласен отдать часть своих денег в счет уплаты убытков, которые образовались из-за твоего принципа?

– А у меня есть выход? Или ты считаешь, что мои чувства не стоят того, чтобы за них бороться?

– Чувства? Ты говоришь о том, что тебе не хочется, чтобы твое имя после смерти трепали с глаголами «кинул», «подставил»?

– Именно!

– Ваня, ну как же ты глуп! Наивен! Молод! Ну где ты видел, чтобы о покойниках говорили плохо? Всегда плохо говорят об убийцах!

– Ага, – кивнул я. – А потом СМИ поднимут ту историю, мои контракты, и поймут, что я знал, что за мной рано или поздно придет тот чувак и грохнет меня. И что тогда будет? Скажут – мог предвидеть! Мог не брать ответственности! Мог не соглашаться, но жадность и алчность не дала думать здраво! И в итоге мое имя на памятнике напишут примерно так: «Ваня Данилов, алчный козел, который всех кинул». А все наследство растащат на погашение убытков и неустоек... Нет, не хочу.

– Ну, положим, на твоём памятнике писать буду я, и там будет написано: «Идиот, который не слушал своего дядю». Скажи мне вот что: почему ты считаешь, что ты знаешь, что убийца придет за тобой? Может быть, он уже умер. Может быть, он уже забыл о тебе и живет своей отвратительной жизнью, мучаясь совершенным. Ты можешь только предполагать. Шестнадцать лет прошло.

– Но я знаю, – ответил я тихо.

– Почему ты так твердо в этом уверен, Ваня? Ты всегда был упертым, я не понимаю, почему ты не хочешь поделиться со мной. Давай мы вместе попробуем решить это. Прошу тебя, дай помочь тебе!

– Дядя Вова, давай лучше поговорим о твоей книге.

– Ваня...

– Прости, но я не хочу больше говорить о своих проблемах.

– Ладно. Будешь еще кофе?

– Конечно.

* * *

Я уехал около девяти часов, дядя перенес свой ноутбук в дом и сказал, что долго работать не будет. Я обещал позвонить, как доберусь домой.

Проезжая по трассе М7 возле Балашихи, я остановился у автомобиля с аварийными огнями. У капота стояла девушка, уперев руки в бока, и пыталась в темноте что-то сообразить. Я вышел из машины и подошел к ней.

– Что у вас?

– Тоска смертная, – вздохнула девушка. – Понятия не имею, в чем дело. Заглохла, и все.

– С бензином все в порядке?

– Я похожа на дуру?

– Нет.

Я отстранил ее и заглянул под капот. Честно говоря, это был скорее понт. Я понимал в двигателях ровно столько же, сколько и она. И с первого взгляда, да и со второго тоже причину понять мне было не дано. Я поковырял какие-то штуки, подвигал провода, постучал по карбюратору, но автомобиль так и не завелся.

– Вы вызвали эвакуатор?

– Конечно. Обещались час назад.

– Хотите посижу с вами?

– Если вы не торопитесь, я была бы благодарна. Здесь жутковато.

И правда было жутковато. Трасса была оживленной, но по обе стороны лес, темный и недружелюбный. Мне стало не по себе, я припарковался за ней, вышел из своего авто и сел в машину.

– Меня зовут Аня, – сказала девушка.

– Я Иван.

– Ну надо же, как по-русски. Аннушка и Иванушка, – улыбнулась Аня.

– Да уж.

– Ехали домой?

– Да, навещал дядю. Он в Орехово-Зуеве живет.

– А я к маме ездила, в Бисерово. Хорошо там у них будет через месяц. Все зацветет, озеро Бисеровское безумно красивое. Бывали там?

– Нет, никогда.

– А я в Орехово-Зуеве не была.

– Там тоже есть озеро, и большое, и маленькое. Я там все детство провел.

– Ну расскажите какую-нибудь веселую историю из детства, что ли?

Интересно, история с убийством моей семьи покажется кому-нибудь веселой? Обществу убийц и маньяков, наверное, покажется. Но Аня такого впечатления не производила, и едва ли это ее развеселит.

– Я плохой рассказчик, – ответил я. – Давайте лучше вы.

– О, в этом мы схожи. По-моему, эвакуатор едет, вам не кажется?

– Да, точно он.

Действительно, возле нас припарковался зеленый эвакуатор, из которого вылезли двое парней и быстро разобрались, что к чему. Оказалось, дело в каких-то блокаторах или разрешаторах, что-то в этом духе. Починить это на месте невозможно, машину нужно отогнать в сервис.

– Вам это встанет в копеечку, – предупредил мастер.

– Ну а что делать? – пожала плечами Аня.

– Вам вызвать такси? – спросил он.

– Нет, я отвезу девушку домой, – вступился я.

– Точно? – спросил мастер.

– Да, – ответила Анна, – все в порядке. Иван давно со мной, и если бы хотел чего-то плохого, уже бы сделал. Думаю, и не один раз.

Я рассмеялся. А девушка меня явно недооценила. Мы с ней провели едва ли больше получаса, и это даже не на раз, если что. Она села в мою машину, и я повез ее домой. Жила Аня от меня далеко, в районе Алтуфьево, а я между станциями метро «Динамо» и «Аэропорт», на Ленинградском проспекте. Но пробок уже не было, и я домчал ее до дома в Лианозово за сорок с небольшим минут. Мы тепло попрощались, Аня пыталась мне что-то заплатить, но я не позволил. Она вышла из машины, скрылась в подъезде, а я по-

ехал домой.

На часах уже было одиннадцать, а Алиса так и не позволила. Я решил позвонить ей сам.

– Привет, извини, я задержалась, но уже освободилась, – ответила Алиса.

– Тебя забрать? – спросил я.

– Если тебе удобно, я только что вышла из зала, в душе и свободна.

– Конечно, минут через двадцать буду.

Я сделал небольшой крюк и заехал на Речной вокзал, где располагался фитнес-клуб, в котором работала Алиса. Она села в машину, и мы поехали ко мне.

Мы перекусили, соорудив ужин из того, что у меня было, выпили немного вина и в половине двенадцатого отправились в постель. Все шло так, как шло обычно, и я знал, чего ждать. Но Алиса преподнесла мне очень большую неожиданность: попросила надеть презерватив. Это было странно, у меня даже сбилось настроение.

– В чем дело? – спросил я, отстраняясь.

– Ну люди используют презерватив, – ответила Алиса. – Что в этом странного?

– Ну мы никогда не использовали его. И все было в порядке. Я вроде бы не заставлял тебя волноваться ни по одному из поводов, когда используют презерватив. Или ты не уверена в себе?

– Нет, у меня никого не было, – ответила она. – Но если

ты все же настроен продолжать, то, пожалуйста, надень.

– Черт! Объясни, в чем дело!

Вместо ответа Алиса выбралась из-под меня, накинула халат и ушла на балкон курить. Терпеть не могу эту ее привычку! Я остался сидеть в постели, голый и возбужденный, как идиот. Алиса долго курила на балконе, я уже успел остыть, когда она вернулась в квартиру и начала одеваться.

– Отвези меня, пожалуйста, домой.

– Да ты объяснишь, что случилось?

– Мне вызвать такси?

– Нет, я отвезу тебя.

Я обиделся. Молча натянул штаны на голое тело, влез в мокасины, набросил свитер, загремел ключами. Алиса смотрела на меня странно, как-то с сожалением. И я был поражен до глубины души. У нас никогда не было ничего подобного, и ее поведение заставило меня чувствовать себя прокаженным. Как будто у меня на лбу высыпала опасная, страшная инфекция, которую она боялась подцепить и поэтому попросила использовать защиту. Черт!

Мы сели в машину, и я слишком резко газанул, Алиса дернулась, глубоко вздохнула и промолчала. Я врубил радио на максимум, там пела Аня Плетнева про то, какая она счастливая, потому что рядом с ней мужчина, и только размер любви имеет значение, а не какие-то другие размеры. Я вел агрессивно, быстро. Мне хотелось поскорее остаться одному и хотелось понять, в чем дело. Алиса молчала, я домчал ее

до дома в Строгино меньше чем за полчаса, высадил у подъезда.

– Спасибо, что подвез. Пока, Ваня, – сказала она и вышла из машины.

Я кивнул, не глядя на нее. Когда дверь захлопнулась, я газанул, выезжая со двора, чертовски хотелось заскочить в какой-нибудь бар и выпить. Но потом я вспомнил, что за рулем. А дома где-то была бутылка джина, и тоник в холодильнике есть всегда.

Проезжая мимо японского ресторана, я понял, что хочу суши. Но сообразил, что не взял кошелек. Хотя у меня в машине где-то есть заначка в пятьсот рублей, этих денег хватит, чтобы купить еды. Я припарковался у ресторана, включил в машине свет и стал искать деньги, и наткнулся на листок бумаги, лежащий на заднем сиденье. Записка.

«Спасибо Ваня, вечер был прекрасным. Если что, мой телефон на обороте».

Вот, черт! Аня!

Я выдохнул и улыбнулся. Вот в чем дело! Вот оно – Алиса ставила свою сумку на заднее сиденье и, наверное, увидела записку от Ани, вот почему она попросила надеть презерватив! Она подумала, что я наврал ей и провел вечер не с дядей Вовой, а с Аней! Я решил, что надо позвонить Алисе и все ей объяснить, и пошел в ресторан, заказать роллы, почти счастливый.

Вернувшись в машину, я еще раз ухмыльнулся и завел

двигатель. Дышалось легко.

Странно, что в тот момент мне даже в голову не пришло, какая жалкая у меня жизнь. Я встречался с девушкой, делил с ней свою постель и свое тело, и у меня внутри ничего не заболело от того, что она всего лишь попросила надеть презерватив, едва заподозрив, что у меня есть другая.

Глава 2

Рано утром я не встаю, если этого не требует дело. И сегодня у меня был выходной, и будет еще не один впереди, если я не разблокирую Алекса на телефоне. Как я иначе узнаю о заказах? Но я решил не контактировать с ним, пока не выясню, чего мне будет стоить его самостоятельность.

Я еще не решил, что буду делать. Я не уверен, что Алекс заслуживает моего доверия, но я работаю с ним уже давно... Едва ли я смогу найти агента, который сможет работать на моих условиях. И, наверное, поэтому Алекса все еще нет на пороге моего дома с бутылкой виски и извинениями. Он знает, что наше сотрудничество дорогого стоит. Чертов козел!

В половине одиннадцатого я выполз на балкон с чашкой кофе и увидел странное зрелище. С полсотни человек с фотокамерами, направленными на меня. Я в ужасе рухнул на пол, когда услышал их гогот под стрекот фотокамер:

- Иван! Впустите нас! Всего несколько вопросов, Иван!
- Это правда, что вы будете судиться с «Бурлеском»?
- Вы не боитесь попасть на большие деньги?

Я влез в квартиру и закрыл балкон. Чашка с пролитым кофе осталась на полу, но мне было плевать. Ползком, как будто они могут заглянуть в мои окна на третьем этаже, я добрался до телефона и набрал номер Светланы.

– Алло, – сказала она спокойным голосом.

– Что вы наделали? – зашипел я, как будто меня могли услышать. – У меня под окнами толпа журналистов с камерами! Орут про судебный процесс против «Бурлеска»!

– Да вы что? Странная реакция. Я всего лишь позвонила в «Бурлеск» и сказала, что у нас есть несколько вопросов... О черт! Вы заходили на их сайт?

– А что там? – в ужасе спросил я.

– Вы должны увидеть это сами... И срочно приезжайте, это война.

– Что? Какая война, вы о чем?!

Но Светлана уже отключилась. Меня затрясло, я вскочил на ноги, открыл ноутбук, зашел на официальный сайт «Бурлеска» и от увиденного открыл рот так широко, что свело скулы.

*ИЗВЕСТНАЯ МОДЕЛЬ ИВАН ДАНИЛОВ
ОТКАЗАЛСЯ ОТ УЧАСТИЯ В НОВОЙ РЕКЛАМНОЙ
КАМПАНИИ «БУРЛЕСКА» ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ
МОТИВАМ*

Причем сделал это после того, как подписал годовой контракт с «Бурлеском» и получил весь гонорар вперед. В предстоящем судебном разбирательстве «Бурлеск» потребует пять миллионов за срыв контракта и непрофессионализм Ивана.

Читать полностью >>>

Справа от анонса напечатали мою фотографию из про-

шлогодней сессии для известного бренда джинсов, как любят производители джинсов, на мне не было надето ничего, кроме их джинсов с выпирающим брендом. Неплохое фото, стоит отметить. Они могли взять фотографии в Интернете, сделанные за кадром любой из фотосессий, где я с перекошенным лицом, лохматый или без кубиков на животе. Но они взяли именно эту – где я с томным взглядом возлежу на кожаном диване в светло-голубых джинсах, обтягивающих конечно же преувеличенное фоторедактором достоинство, волосы в искусном беспорядке, как будто кто-то трепал меня за гриву, чуть приоткрытые губы, как будто я собираюсь сказать какой-то невероятный комплимент очень красивой девушке... В общем, на этом фото как будто я, но даже я себя с трудом тут узнаю.

Я кликнул по ссылке, все еще не закрывая рот. В открывшемся окне был пресс-релиз, подписанный президентом «Бурлеска» Владиславом Морозко, который адресовался в Интерфакс, РИА «Новости» и в новостные интернет-порталы. Датировано 9.00 сегодняшнего дня, 2 апреля.

«Бурлеск» всегда очень тщательно подходит к подбору моделей для своих рекламных кампаний. Выбор, который мы сделали, был оправданным и правильным, мы были уверены абсолютно. Иван Данилов – восходящая звезда в модельном мире, он профессионал и уверенный в себе молодой человек. Но наш опыт в работе с этой моделью лишь подтверждает, какой глубины бывает личность

человека.

«Бурлеск» предложил Ивану годовой контракт, первый долгосрочный и дорогой в его карьере, на участие в рекламной кампании по продвижению новой коллекции осень-зима будущего сезона и туалетной воды «Бурлеск Джентльмен». Мы не сомневались, что этот опыт сотрудничества с Иваном окажет благоприятное воздействие на бизнес «Бурлеска» и карьеру Ивана, но все получилось несколько иначе.

1 июня Иван должен был приступить к исполнению своих обязательств по контракту и принять участие в первой съемке промоматериалов. Мы готовы были допустить Ивана до святой святых – новой коллекции одежды, которая держится в строжайшей тайне, обеспечение которой стоит нам 250000 рублей еженедельно. Мы готовы были доверить Ивану самое главное.

Но получили нож в спину – вчера агент Ивана сообщил, что контракт будет расторгнут досрочно, несмотря на то, что мы предупредили Ивана о невозможности досрочного расторжения контракта. Мы забукировали места съемок, договорились с известными фотографами и выслали все подготовительные материалы с учетом внешности Ивана. Найти человека, столь похожего на Ивана, будет практически невозможно, весь процесс сорван.

Агент Ивана пояснил, что причина в политике, и нам сразу все стало ясно. Да, я, президент

«Бурлеска», родом из Киева, моя семья по-прежнему проживает в Украине в столь непростое время. Но моя национальность и мой дом не должны становиться препятствием к сотрудничеству, не должны оправдывать алчность, непрофессионализм людей и впускать в деловые отношения политику. «Бурлеск» будет вынужден защитить свои права в суде.

– Какого черта?! – заорал я.

У меня закружилась голова, и я завалился на диван, закрыл глаза и глубоко вздохнул. Так, спокойно. Это не катастрофа, это решаемо. Алекс не мог! Это просто метод защиты «Бурлеска». Просто метод. Или они друг друга не поняли, надо просто объясниться, просто поговорить.

Я разблокировал Алекса и позвонил ему.

– Ваня, я ни при чем! – сразу воскликнул он. – Они неправильно меня поняли. Они спросили: «Почему?», я ответил: «Это политика Ивана по отношению к долгосрочным обязательствам», но они отсоединились после слов «Это политика», не дослушав меня до конца.

– Алекс, ты идиот! Ты видел, что они написали?

– Видел, Ваня, я что-нибудь придумаю.

– Решай это быстро!

– Я делаю что могу.

– А журналистов у меня под окнами можешь разогнать?

– Что?!

– Да-да, я выполз на балкон выпить кофе, а они прямо

под балконом, собрались стаей и орут вопросы, фотографируют. Я чашку даже разбил!

– Я куплю тебе новую. Слушай, может быть, это и неплохо... На этой волне...

– Алекс! Ты идиот! Никаких волн! Решай вопрос!

Я отключился. Сходил в душ, пришлось поливать себя холодной водой, чтобы остыть. Побрился, оделся и вышел из квартиры. У выхода из подъезда я услышал гул. Натянул очки, тонкую шапку – пониже, и быстро вышел. Меня засекли сразу же, защелкали затворы, раздались вопросы, которые не прекращаясь сыпались мне в ухо, пока я шел до машины. Я сел в авто и выехал со двора, журналисты ехали следом, оторваться в Москве практически невозможно, движение очень интенсивное. За мной ехали фургонов пять или шесть, и, кажется, прибавлялись все новые.

Когда я позвонил Светлане, она велела мне припарковаться в подземной парковке, это был единственный шанс отделаться от журналистов. Я въехал на паркинг, охрана отрезала мой кортеж, и я вздохнул.

Светлана ждала меня у лифта со свирепым лицом.

– Адвокаты «Бурлеска» приедут через час, – сказала она вместо приветствия. – С ними будет медиатор, но я послала его к черту. Велела даже не впускать в здание, выписала пропуск только на двоих адвокатов.

– Медиатор? Им по струнам бьют?

– Он людей мирит, – отмахнулась Светлана. – Пустая тра-

та времени. Идемте, нам есть что обсудить перед их приходом. Мои помощники уже готовят иск в суд, если мы не договоримся, он будет подан сегодня же. Вашего агента я тоже вызвала.

– Видеть его не хочу!

– Придется, он второй ответчик.

– Что?

– Ну вы же этого хотели? Засудить всех? Вот это мы и сделаем. Выходите, это наш этаж. Здесь можно снять очки и шапку, никто вас не станет фотографировать.

Теперь нас встречали с улыбками и провожали взглядами. Черт возьми, в этом офисе предчувствуют громкий процесс. И я боюсь, что Светлана будет говорить в суде в орало, чтобы было слышно всем, даже тем, кому это не интересно.

Меня проводили в ту же переговорную, я сел на то же место. Светлана принесла несколько папок и сказала:

– Я изучила ваше дело, оно будет стоить двести тысяч рублей.

– Ничего себе!

– Это еще не все. Каждое судебное заседание будет стоить еще пятнадцать тысяч. Их может быть много, десять или больше.

– Черт, это очень дорого. Процесс может вылиться мне в полмиллиона.

– И даже больше. Если мы проиграем, то как минимум пять с половиной миллионов рублей и судебные расходы

«Бурлеска» и вашего агента, а также все то, что «Бурлеск» докажет свыше пяти миллионов.

– Вы издеваетесь?

– Нет, – жестко отрезала Светлана. – Я говорю вам прямо все то, что вас может ожидать. Если мы выиграем, мы выйдем с «Бурлеска» и вашего агента столько же. Если суд встанет на нашу сторону, значит, он признает, что вашей деловой репутации причинен вред, вы понесли убытки и судебные расходы.

– Вы загоняете меня в угол, Светлана. Я должен подумать.

Вот черт! Правильно я думал, что сначала надо было оговорить сумму и все риски. Сейчас, когда я зажат со всех сторон, Светлана приложила лишь небольшое усилие, и мои яйца в ее ладошке сжаты до звездочек в глазах. Ну почему я не сделал по-своему? Если бы я узнал все это еще день назад, я бы, наверное, принял другое решение. Может быть, попытался бы сам договориться с «Бурлеском» об изменении условий, объяснил бы свои причины... Сделал бы что-нибудь. Я не могу провалиться почти на шесть миллионов рублей! У меня не останется денег, чтобы жить... Придется продавать мамину квартиру и, наверное, дачу в Орехово-Зуеве. Работать мне больше не дадут – «Бурлеск» не простит процесс, каким бы он ни был, никто не захочет со мной связываться. А больше ничего делать я не умею. Я не умею зарабатывать деньги. В этом я ничтожен. Я почти во всем ничтожен, я идиот. Не Алекс идиот, а я. Я – идиот!

– Конечно, подумайте, – улыбнулась Светлана. – У вас есть минут сорок до того, как сюда приедут адвокаты «Бурлеска».

– Мне нужно больше времени. День-два, чтобы все взвесить.

– Но у вас нет больше сорока минут, Иван. Я оставлю вас одного, когда будете готовы, позовите меня, просто нажмите на селектор, и я приду.

Она улыбнулась, собрала бумаги и вышла. Я покрутил в руках свои темные очки и позвонил дяде Воле.

– Дядя Вова, я влип.

* * *

– У моего клиента не было намерения оскорбить вас и вашего президента, – сказала Светлана с легкой улыбкой. – К сожалению, агент Ивана сейчас не смог присутствовать на переговорах, но я уверяю вас, его объяснение сложившейся ситуации будет аналогичным. Менеджер, с которым общался Алексей, не дослушал его до конца, Алексей хотел сказать: «Это политика Ивана по отношению к долгосрочным обязательствам».

– Что-то в озеро было брошено, и сейчас идут круги, – с философской издевкой ответил адвокат «Бурлеска», седовласый мужчина лет сорока с очень терпким парфюмом. Его коллега был молодым, но у обоих высокомерие просто за-

шкаливало. – Наш клиент отказывается обсуждать вопросы политики в каком бы то ни было свете. И объяснения сейчас ни к чему. Мы с вами оба профессионалы, Светлана, наша задача сейчас постараться не довести дело до суда.

– Судя по тому, что в наш секретариат пришло письмо с проектом искового заявления, вы не так уж и хотите не доводить дело до суда, – заметила Светлана.

– Но это вы отказались от медиатора, – ответил адвокат. По-моему, он представился Игорем. Да, точно, Игорь. А второй – Виктор.

– Услуги медиатора нам ни к чему, в этом деле нет спорного вопроса. Есть недопонимание позиции моего клиента и превышение полномочий со стороны его агента.

– Ну да, ваш клиент не виноват, его неправильно поняли там, откуда он получил деньги, и его агент превысил полномочия в подписании под тем, что он обязан за эти деньги исполнить, – улыбнулся Игорь.

Светлана раскрыла папку и выложила на стол три расписки, подписанные Владиславом Морозко. В каждой расписке говорилось, что «Бурлеск», как заказчик, понимает и принимает условие исполнителя (то есть меня) об оплате фактически оказанных услуг, без долгосрочных обязательств.

– История сотрудничества Ивана и «Бурлеска» достаточно долгая, чтобы доказать, что вы знали к моменту подписания договора о нежелании моего клиента связывать себя долгосрочными отношениями, – сказала Светлана. – И во-

преки его воле вы подписали договор. На протяжении трех лет у вас были договоры, в том числе на рекламу линии одежды, согласно которым Иван не был обязан исполнять ваши заказы, но если исполнял их, то вы оплачивали его работу. Что же изменилось?

Игорь сделал вид, что расписки увидел впервые. Вместе с коллегой они внимательно прочитали каждую и сфотографировали. Светлана сказала, что расписки от прошлых контрактов – главные доказательства существенных условий договора, на которых я настаивал, и об этом «Бурлеску» было известно, но в тексте договора этим пренебрегли, а значит, договор недействителен. То есть Светлана сказала не «недействителен», а то ли «оспорим», то ли еще что-то и долго объясняла мне, в чем разница, но я так и не понял.

– Иван никогда не был ведущей моделью в рекламной кампании, – ответил Игорь. – Контракт, от которого он отказался сейчас после его заключения и получения гонорара вперед, предусматривает его участие в качестве ведущей модели, он должен был стать лицом рекламной кампании! Такие отношения требуют более ответственного подхода.

– Вы сами говорите, что Иван никогда не был ведущей моделью, а знаете почему?

– Потому что это ему никогда не предлагали, как оказалось, не зря.

– Нет, потому что его агент никогда ранее не соглашался на такие договоры. Сколько вы ему заплатили?

Вопрос был неожиданным, и адвокаты замолчали. Я переводил взгляд с одного на другого, но обоих будто лишили дара речи. Наконец старший адвокат «Бурлеска» пришел в себя и сказал:

– Все, нам больше не о чем говорить. Я полагал, что мы обсудим перспективы, а вы только разбрасываетесь обвинениями и тратите наше время. Иван, я желаю вам удачи в вашем начинании, но не уверен, что у вас получится хоть что-то. Всего доброго.

Они ушли, а мы остались.

Я открыл было рот спросить, что все это было, как в комнату ввалились трое парней и две девушки, жутко деловые, с ноутбуками и толстыми папками.

– Разговор записан, – сообщил один из парней. – Мы уже проанализировали судебную практику. На самом деле тут мало шансов у «Бурлеска» доказать убытки, но все будет зависеть от судьи... В Арбитражном суде города Москвы у нас нет ни единого знакомого судьи, но уже готовы досье на всех судей третьего судебного состава, который занимается нашими спорами.

– Я проанализировала нагрузку, – встряла миловидная девушка лет двадцати с небольшим, серьезности себе она добавила очками с простыми стеклами в толстой черной оправе. – Судя по всему, наш иск будет отправлен судье Шодунович или судье Попандуполо. Лучше бы, конечно, Шодунович, судя по ее «Фейсбуку», она в разводе, очень любит

животных и боготворит театры. Среди постов только отзывы о спектаклях да фотографии собак и кошек. А вот господин Попандуполо мужик серьезный, рыбалка и прочее, не думаю, что он проникнется модельным бизнесом...

Светлана читала сводки, народ галдел, я чувствовал себя несчастным и лишним. Мое дело уже обсуждали так, словно я мертв, а на столе мой труп и судмедэксперты приступили к своим обязанностям.

До приезда адвокатов из «Бурлеска» я поговорил с дядей Вовой и решил все-таки судиться. Он сказал (и я был с ним согласен), что после такого пресс-релиза «Бурлеск» не сдвинется ни на шаг, не согласится откатить назад или изменить условия сделки. У дяди было много опыта в переговорах, за его карьеру случалось всякое. Поэтому в этом вопросе я ему доверял. Они хотели вынудить меня работать на них, пока контракт не закончится, а я не мог. Я боялся, что, если меня убьют, я оставлю после себя долги, неисполненные обязательства и прочее, это было недопустимо. Лучше уж пусть я проиграю в битве (даже после своей смерти), но это будет достойно. Я всем объявлю о своей позиции, и все будут знать, что я делаю и почему.

Если бы в тот момент я включил голову и подумал, наверное, я бы не ввязался во все это. Но в тот момент я чувствовал себя ущемленным, у меня отобрали право решать, как я буду жить. Мне не дали выбрать мой путь, и я хотел восстановить себя в правах. В тот момент это было для меня очень

важно. Что могло быть важнее?

Чтобы заплатить Светлане и ее фирме сто пятьдесят тысяч предоплаты, я обратился в банк с просьбой о выдаче кредита. Мои деньги лежали на невозвратных депозитах, и срок одного из них истекал шестого июля, если я выдерну эти деньги раньше, я потеряю почти сто тысяч. Кредит стоил дешево.

Банк выдал мне кредит практически по телефону. Мне согласовали сумму в триста тысяч рублей и перевели на счет. Пообещав, что распорядиться этими деньгами я смогу после того, как подпишу договор, который привезет мне курьер прямо на дом. Я же говорил, что у меня очень хороший банк?

На прощание Светлана сказала мне, что я молодец. Но я понимал, что ее слова – лишь дань уважения клиенту, и борьба за права – это способ заработать деньги для нее. Чуть ли не единственный. Поэтому, все еще сомневаясь в себе и своем решении, но твердо уверенный, что что-то сделать было нужно, я сел в машину и поехал к себе ждать курьера.

По дороге я набрал Алису.

– Привет, Ваня, – сказала она.

– Привет. Я знаю, что вчера произошло, – сразу начал я. – Вернее, почему. Давай сегодня встретимся? Я все тебе объясню.

– Ну ты ничем мне не обязан, ведь таким был уговор? – проговорила она. – И я тебе ничем не обязана, это вторая неотъемлемая часть уговора. Прости, сегодня не получится,

давай на следующей неделе созвонимся и подумаем об этом, идет?

– Хорошо.

– Хорошего дня.

«Как у тебя дела?» – хотел спросить я, но трубка уже замолчала. «Я тебе ничем не обязана» включает и это тоже. Я не обязан спрашивать, она не обязана отвечать. Ну да, условия были такими.

Я встал в пробку, по радио запела Мадонна с ее «Masterpiece». Интересно, если бы я был картиной, как Дориан Грей, кто-нибудь считал бы меня шедевром? Захотел бы кто-нибудь стоять в очереди, платить деньги, чтобы увидеть меня? Наверное, нет. Дядя Вова бы, конечно, приперся на первый показ и обязательно бы сказал, как хорошо я вышел. И все. Ну, может быть, Димон бы выбрался из своих Котельников, но и то если бы меня выставляли где-нибудь в центре Москвы, а не в Лувре.

Я вспомнил, как участвовал в своем первом показе на подиуме. Это было ужасно. Настолько отвратительно, что даже не передать словами. Тогда я демонстрировал всего два лука: осеннее пальто с шарфом и костюм-тройку. Занятость у меня была практически нулевая, и эти два лука достались мне потому, что ведущая модель оказалась не готова к быстрой смене костюмов двадцать девять раз подряд, и последний, единственный костюм-тройка, достался мне. А пальто я надевал прямо на него, никто ничего и не заметил, хотя по-

лагалось надевать пальто на голое тело. Да, вот такая ерунда. Пальто моего размера сидит на мне идеально (да и на любой модели), если его надеть на голое тело, только вниз – брюки и ботинки. Пиджак или даже сорочка под ним топорщили ткань, снимая уровень «идеальности». Но дело не в этом.

Алекс не обещал мне отдельную гримерку, да я и не ожидал подобного, хотя раньше даже не представлял, насколько за кулисами модного показа грязно и беспонтово. Я предполагал, что гримерка будет общей, но не думал, что проходной. Да-да, именно так – вдоль гримерки шествовали все модели, и девушки, и парни. Мы раздевались до трусов прямо здесь, а особо именитых девушек-моделей прямо тут на полу таскали дрессеры (чуваки, которые одевают моделей), собирая на них одежду. Одеваться стоя времени нет, а лежа проще натянуть вещи, обувь.

Зеркала стояли вдоль стены, на расстоянии метра от них в ряд стояли вешалки с одеждой, в порядке выхода на сцену – самая ближайшая к выходу прямо сейчас, ассистенты перемещают их по мере показа.

У зеркала – колченогая табуретка, на которой свалены вперемешку вещи из коллекции и личные вещи моделей. Во-нهایت потом и носками – парни-модели приехали на показ со всех стран мира, и этот показ может быть не первым за их день и не последним, а спят и моются они как получится. Чаще не получается.

Пристроить свою сумку и свои вещи совершенно неку-

да, просто бросай на пол. За пару дней до показа дизайнер утвердил мой образ, собрал все необходимое. И вот я вижу заветный пакетик на развеске – фиолетовый, на нем бейдж «Иван Данилов», я снимаю его с плечиков, передаю дрессеру, но он занят, и я решаю все сделать сам. И тут понимаю, что мое место у зеркала занято. Я встаю, где есть свободное место, и одеваюсь. Первая неожиданность: брюки не застегиваются. Я знаю точно, что я не поправился, это нонсенс. За последние пять лет я не изменился в своем весе ни разу. Как был 86 килограммов при росте 186 сантиметров, так и остался. Но всего пару дней назад все было в порядке! Брюки застегивались идеально!

Я подхожу к дежурному администратору и рассказываю о катастрофе.

– Да, бывает. Твой костюм перешили, потому что решили, что его отдадут другой модели. Сорян, втягивайся как-нибудь, ты выйдешь в этом через двадцать минут.

Ладно, я втянулся как мог, и брюки застегнулись. Но я не мог наклониться, чтобы надеть ботинки. Пришлось все расстегнуть и влезть в лаковые туфли. Но и они не моего размера! У меня сорок четвертый размер обуви! И на примерке ботинки были сорок четвертого! А сейчас не больше сорок второго! Я решил больше не ходить к администратору, потому что ничего нового мне он не скажет. Ботинки тоже, наверное, ушили. Жилетка застегивалась с восьмерками. Пиджак застегивался с восьмерками. Только сорочка сидела

отлично.

Но мой лук должен быть с застегнутой жилеткой, расстегнутым пиджаком и чтобы бляшка ремня немного торчала. Как? Если я выйду в таком виде, это будет смешно. Все подумают, что я обожрался перед показом и теперь не влезаю в костюм! Я мучился перед зеркалом почти до самого выхода, а потом плюнул на все. И поплелся, кое-как переставляя ноги, потому что обувь на два размера меньше! Боже, что это было! У меня звезды в голове забились в конвульсиях, едва я подошел к лестнице на подиум, и речи не могло быть о том, чтобы пройти весь «язык» непринужденной походкой! Дизайнер на выходе утвердил мой лук, я цыркнул в него глазами, показывая на восьмерки, и сказал, что обувь на два размера меньше.

– А что поделатъ? Такая жизнь, – ответил он. – Не дыши, восьмерок не будет.

А теперь представьте: двадцать пять метров туда и двадцать пять метров оттуда. Под ярчайшими софитами, под Милен Фармер я иду в невероятно жмущих ботинках, не дышу, чтобы не было восьмерок, легко улыбаюсь и надеюсь, что сейчас прогремит взрыв, потому что я точно рухну в обморок. Я останавливаюсь на кончике «языка» и вижу дядю Вову, он счастлив. Я не вижу никого и ничего, кроме дяди Вовы. У меня в глазах темнеет. Я разворачиваюсь и иду обратно, парни навстречу безмятежные, но добрая половина из них тоже не дышат – костюмы не колышутся. За кулисами

я рухнул на пол, и меня тут же стали раздевать, наверное, решили, что я один из тех, кто пойдет на этот подвиг еще раз. Я отбился ото всех, скинул ботинки, уполз под развеску и сидел там, пока администратор не объявил, что выходят «польта».

Хорошо, что у меня с собой были брюки.

Эти порвались. Просто треснули на заднице, ведь они были малы! Я надел свои и показался дизайнеру, он махнул рукой – сойдет.

Под пальто мне выдали сапоги, и я с ужасом понял, что не влезаю и в них: ноги отекли, болели, а носки промокли от крови – я раскроил щиколотки, мизинцы и большие пальцы. На полу оставались кровавые отпечатки, коих было много – у большинства парней та же проблема.

– Что у тебя тут? – спросил администратор.

Я снял носки. Нога была синюшной с кровавыми подтеками. Он покачал головой и сказал:

– Сейчас мы тебе поможем!

Куда-то убежал и вернулся с тубиком с прозрачной жидкостью. Лубрикант! Не успел я возразить, как мои ступни натерли лубрикантом, щедро между пальцами размазывая кровь, и двое дрессеров налегли и надели на меня сапоги, застегнули их и резким рывком поставили меня на ноги. Как на иглы. Я держался еле-еле, дрессеры натянули пальто прямо на пиджак, застегнули его и обвязали шарфом. Под рученьки я доковылял до выхода на подиум, где дизайнер мне кивнул,

и я встал в очередь. Я шел третьим.

В глазах темнело с периодичностью тактов музыки Милен Фармер. Я оперся о стену, дизайнер подал знак, и мы тронулись. Я шел за парнем, от которого воняло потом и носками – это он распространился своим запахом в раздевалке. У меня кружилась голова, я был готов рухнуть прямо сейчас, прямо здесь. Вот он, «кончик языка», дяди Вовы я не увидел, повернул и пошел следом за вонючкой. Осталось шагов десять. И вонючка «сделал Наоми», то есть рухнул на пол как подкошенный, без сопротивления.

К такому меня жизнь не готовила. Помочь встать? Я сделал еще шаг по инерции, а вонючка не двигался. Люди закричали, я наклонился над ним...

Да-да, этот тот самый показ, на котором парень-модель умер от сердечного приступа прямо на подиуме. Это был Влад Топров, двадцати трех лет. Вскрытие показало, что ему очень сильно жали ботинки, что-то там произошло в венах в ногах, оторвался какой-то тромб и попал в сердце. Он умер практически моментально.

В общем, первый мой показ – это было ужасно. Смерть Влада и жуткое разочарование от процесса. Я не видел лиц людей, смотрящих на меня. Кто-то оценивал костюм, но никто – человека в нем. Всем плевать. Если на фото кому-то важно всмотреться в лицо, подумать о жизни парня с фото, понять историю, которую он пытается донести, то подиум – из другой оперы. На подиуме важно не лицо и человек, а то,

что на него надели.

Если на подиуме не замечать личность модели – это нормально и правильно, то за пределами подиума я должен быть кому-то интересен, кто-то должен быть... Даже дядя Вова не высмотрел показ до конца, ушел после моего первого выхода, не дождавшись второго. У меня никого не было, ни на подиуме, ни за его пределами. Но даже тогда я не думал, как убога моя жизнь.

* * *

Было бы удивительно, если бы дома было светло, пахло свежеприготовленной едой и работал телевизор. Нет, у меня дома всегда тихо и темно. Жизнь просыпается в моей квартире только с моим появлением. Сначала в коридоре – я включаю свет, вешаю ключи на крючок у двери, разуваюсь и натягиваю домашние тапки, кожаные, купленные в Париже на распродаже за три евро. Свет из коридора пробуждает другие помещения – кухню, ванную, туалет и гостиную – в эти комнаты всегда открыты двери, в гостиной двери вообще нет. Света из коридора хватает, чтобы осветить обеденный стол в кухне и два стула к нему; джакузи в ванной и кусочек винтажного унитаза в туалете. В гостиной у меня пусто, пригоршня света из коридора выхватывает из темноты бок огромного коричневого кожаного дивана и несколько толстых листьев фикуса, моего единственного растения

в доме. Зал славы закрыт всегда, я вхожу туда только для того, чтобы что-то повесить или навестить.

Спальня родителей представляет собой огромный склад – тут и шкаф с моими шмотками, и велосипед, и коробки со старыми вещами, книги, ненужная мебель, например, три стула из кухонного комплекта, кресло, которое продавалось вместе с диваном, письменный стол отца, который я так и не смог выкинуть. Я никогда им не пользовался и даже не разбирал ящики с бумагами – мне нечего там искать. Там остались какие-то его рабочие документы, какие-то письма, что-то еще, совершенно мне не понятное. Узнавать что-то о жизни отца мне было не нужно, равно как и о маминой жизни. К чему тратить время на все это? Кому от этого будет польза?

Когда дядя Вова забрал меня из интерната и мы поселились в этой квартире, он предложил мне самому придумать, что делать с квартирой. В какие помещения что переложить, где и как мы будем жить. Тогда я решил занять родительскую спальню всем, что было не нужно, сам поселился в гостиной, а дяде Вова отдал комнату, которая раньше была детской. К моему приезду сюда в квартире не было ни единой детской вещи, даже кроватку Костика куда-то увезли, хотя раньше она стояла в комнате родителей. Никаких игрушек, одежды или чего-то, что могло напомнить о Мэри или Костике, ничего. Дядя Вова признался, что отдал все вещи в детский дом, чтобы мне не было больно смотреть на все это. У меня осталось несколько альбомов с фотографиями, но я заглядывал

туда не чаще двух или трех раз за все время самостоятельной жизни в этой квартире. Нет, не сложно и не больно, слишком много времени прошло, а я был мелким пацаном, чтобы нести через всю жизнь воспоминания, щемящие сердце.

Но кое-что личное от мамы у меня осталось: ее дневник. Помню, как-то раз я заглянул в родительские бумаги и нашел мамин дневник. Тетрадь формата А5 в твердой, но гнущейся обложке, с разлинованными листами. Я чувствовал себя практически преступником, пролистывая страницы недолгой маминой жизни. Последняя запись была сделана за несколько месяцев до ее гибели. Судя по частоте обращения к дневнику, мама записывала события недели, а не каждого дня или, предположим, месяца.

Последняя февральская запись была о дяде Воле, папином брате. Судя по всему, мама и дядя Вова были близкими друзьями. Я помню эти три абзаца текста, наполненные любовью и сочувствием.

Всю неделю Вова ждал результатов. Мы все ждали результатов. Саша делал вид, что это его совершенно не касается, но я вижу, что он тоже волнуется. Мне так жаль Вову, он обречен делать это каждые полгода, каждые чертовы полгода! Ну почему судьба так несправедлива? Ведь это же любовь, она не может быть такой жестокой.

Результаты пришли в конце недели, и они были настолько плохими, что Вова не сразу нам все сообщил. Мне при-

шлось съездить к нему домой и самой открыть конверт. Он чувствовал себя хуже, поэтому боялся вскрывать конверт. Я вскрыла. Это было ужасно. Вова плакал на полу, а дверь в квартире хлопнула с такой силой, что из меня вышибло дух.

Дома был скандал, Саша никак не хотел понимать. Не хотел принимать этого. Я была готова и терпеливо ждала, когда он смирится, готовая в любую минуту поддержать его порыв общения с Вовой. Но вот уже прошло три дня, а Саша все еще не позвонил Вове и не подбодрил его. Вова лег в больницу на обследование, а я все еще жду от Саши, что он поступит правильно.

Я помню свой ужас, когда прочитал эти строки. Я не забыл слова отца, что дядя Вова совершил какой-то поступок, который бросил тень на всю нашу семью. Так вот, значит, когда это случилось! Еще в феврале! Почти за четыре месяца до того, как обо всем узнал я. Значит, отец так и не принял этот поступок и не простил дядю Вову...

Я долго не спрашивал дядю Вову о том, что произошло в конце 1998 года, и он рассказал мне все сам, когда пришло время. Намного позже.

Говорят, подсознание всегда подсказывает нам, что нужно сделать. Можно бесконечно долго пытаться что-то вспомнить, и безуспешно. А все это время подсознание подсказывает, что что-то упущено из виду... Что-то, что действительно стоит внимания. И когда ты идешь у подсознания на по-

воду, то обычно находишь то, что искал. А потом рассказываешь всем: «Не знаю, зачем я пошел туда, но я нашел там то, что давно искал».

Вот и я не знаю, зачем пошел в эту комнату сегодня. Включил свет. Было пыльно, я давно не наводил здесь порядок. Громко сказано – порядок. Не вытирал пыль, не мыл полы. Дядя Вова предлагал отвезти все вещи в дом в Орехово-Зуево, чтобы не занимали место здесь. Но я все временил – места мне хватало, а это вроде как мое приданое. Единственное, что осталось от родителей. А что я мог выбросить (отвезти на дачу)? Альбомы с фотографиями? Книжки? Никаких особо громоздких вещей здесь не было...

Я достал мамин дневник и сел в кресло. Нельзя сказать, что я прочитал его весь и знаю наизусть все, что в нем написано. Но что-то такое меня притягивало, и я не помню, что именно. Я вертел в руках дневник, листал странички, заполненные аккуратным ровным почерком, слегка крупным для человека с нормальным зрением. У мамы не было очков, во всяком случае, я не помнил, чтобы она в них ходила. Значит, если проблемы со зрением и были, то небольшие.

Случайно открытая страничка в самом начале датирована серединой марта 1998 года, и запись была совсем небольшой, в один абзац. Но мама больше ничего не написала на этой странице – под каждую запись была отведена ровно страница, независимо от того, сколько места заняла сама запись.

У Саши на работе все в порядке, слава богу. Не знаю, что бы мы делали, если бы сократили и его. Потеря моей работы очень существенно сказалась на семейном бюджете, тем более что Костик совсем маленький. Хорошо, что у меня есть Ваня, на него всегда можно положиться... И да, тот человек больше не объявлялся. Прошел уже год, я надеюсь, мы больше ничего о нем не услышим. Я очень на это надеюсь.

Я помню, в тот год мама не поехала летом на дачу, осталась с Костиком и Мэри в городе, и в Орехово-Зуеве мы жили с отцом и дядей Вовой одни; отец приезжал на выходные, а дядя Вова жил со мной постоянно. Финансовых проблем я не помню, меня в них никто не посвящал. Все, что мне полагалось в тот год, – новая одежда на лето и в школу, новый ранец и ручки-тетрадки, – мне купили на той же ярмарке, что и всегда... В общем, ничего странного. Но что это за человек, о котором пишет мама? Я пролистал дневник вперед и назад, пытаюсь найти еще упоминание, и понял, что дневник, должно быть, у мамы был не один. Ну точно, не один!

Первая запись в дневнике была датирована шестым января 1998 года, то есть если это единственная тетрадь, то мама вела дневник всего год? Нет, это не так. Сколько я себя помню, мама всегда писала что-то в подобные тетради. Почему я не сообразил раньше, что их было несколько?

Я внимательно осмотрел корочку дневника. Снаружи она была темно-коричневой, внутри молочно-белая, слегка пожелтевшая от времени. Теперь я заметил на корочке цифру «11», обведенную в кружочек, слегка неровный, как будто сделано это было с целью выделить цифру, а не украсить ее.

Это одиннадцатый дневник? А где остальные десять? Я начал искать в книгах, залез в отцовский письменный стол, но тетрадок не было. Странно, я знаю точно, что ничего не увозил на дачу... Может быть, это дядя Вова сделал?

Мамин дневник был содержательным, в нем описывались события из жизни нашей семьи, и я наверняка не раз видел эту цифру «11», но никогда прежде не думал, что это порядковый номер. А значит, в остальных десяти тетрадях могут быть ответы на мои вопросы. Вот зачем я вошел в эту комнату сегодня, чтобы снова увидеть «11» и понять это.

Я был чрезвычайно взволнован и написал дяде Вова смс: «Если не спишь, позвони мне пж-та». Он позвонил сразу же и обеспокоенно спросил сонным голосом:

– Что случилось?

– Я же просил позвонить, если ты не спишь.

– Я не сплю. Что случилось?

– Ничего, – ответил я. – Мне неудобно теперь у тебя об этом спрашивать. Давай поговорим утром?

– Терпеть не могу чего-то ждать, говори сейчас.

– Ты не забирал мамины дневники?

Дядя молчал. Я понял, что забирал.

– А почему тебя этот вопрос заинтересовал именно сегодня ночью? – спросил он вместо ответа.

– Мне нужны эти дневники. Их десять, я знаю.

– Они все здесь, в доме.

– Почему ты никогда мне о них не говорил?

– Ты не спрашивал.

– Дядя, не выкручивайся! Ты прекрасно понимаешь, о чем я. Мы вместе читали последний мамин дневник, и у тебя была возможность сказать мне, что у нее были еще.

– Когда мы вместе читали дневник?

– Ну в тот год, когда ты забрал меня из интерната.

– И?

– Мама в тех дневниках писала про тебя? – догадался я.

– Да, – после паузы ответил дядя Вова и продолжил: – Дневники в твоём распоряжении, если хочешь, можешь их забрать прямо сейчас.

– Я сейчас приеду.

Мне было неловко беспокоить дядю, но от мысли, что в дневниках матери, возможно, кроется отгадка, у меня дрожали руки. А если тот самый человек, который описан в мамином дневнике «11», и есть убийца?

И да, тот человек больше не объявлялся. Прошел уже год, я надеюсь, мы больше ничего о нем не услышим. Я очень на это надеюсь.

От этих слов веяло тревогой. И незаконченным делом. Может быть, в маминых ранних дневниках есть еще что-то о нем? Что-то, что позволит мне приблизиться к этому человеку? Но что это мне даст?

Я ехал по ночному городу, мимо проносились яркие здания и рекламные проспекты. Машин практически не было, и я попал на М7 через пятнадцать минут, как выехал из дома. Со стороны леса надвигался сильный туман, словно молочной дымкой он окутывал стволы деревьев. Навстречу машины почти не попадались, за редким исключением, в основном фуры, груженные продуктами и стройматериалами. Музыка у меня не играла, и я думал только о том, что будет, если я смогу узнать, кто убил мою семью.

Если я узнаю имя этого человека и смогу доказать его причастность к гибели моих родных, тогда его посадят. Я не был уверен, но, по-моему, давности за убийство нет. Доказать его причастность не составит труда – если имя преступника узнаю я, то на него легко выйдет и полиция. Заставить их вернуться к старому делу я смогу через адвокатов, я читал об этом несколько лет назад, когда мне в голову пришла такая мысль. Правда, тогда я ее забросил за ненадобностью: я был уверен, что правоохранители сделали свою работу настолько качественно и профессионально, насколько возможно. Теперь я в этом сомневался. Я не помню, чтобы дядя говорил, что оперативники лазили в вещах родителей. Да, дом был перерыт сверху донизу, но в квартиру на Ленин-

градском проспекте никто не заходил и ничего не осматривал. Дневник матери никто не читал. Если, конечно, дядя Вова не скрыл его от полицейских...

А он мог. В то время написанное о нем в мамином дневнике могло разрушить его жизнь. С точки зрения общественного сознания это действительно бросало тень на всю семью, не только подставляло самого дядю Вову. Черт, если это так, то, возможно, раскрыть это дело сейчас не составит труда.

А дядя Вова... Он ведь читал дневник мамы. И наверняка знал о том человеке. Но неужели если он знал, то не рассказал бы? Неужели он позволил убийце уйти безнаказанным только ради сохранения своей тайны? Нет, в такое я поверить не могу! Значит, в дневниках ничего нет. Зря я побеспокоил дядю Вову среди ночи, зря выдернул из постели. Зря мчу на дачу глубокой ночью, среди просыпающегося леса.

Я остановился на обочине. Мне нужно было передохнуть и подышать воздухом. До рассвета еще далеко, прохладно, пахнет сырой землей и хвоей. Я погасил фары, оставив только аварийные огни, и минут десять смотрел в черноту леса словно зачарованный.

Мимо с визгом пронеслась очередная фура, вывела меня из ступора. Я сел за руль, завел двигатель и включил радио. После остановки посреди шоссе у лесной кромки мне стало не по себе. Все-таки громадина темного леса сильно впечатляла, заставляя бояться собственной тени. А мне и без того страхов хватало.

Дядя Вова работал на веранде, закутавшись в халат. Ворота послушно распахнулись, не успев я нажать на пульт. Я въехал на территорию дачи, ворота закрылись. Дядя Вова снял очки, скинул плед и пошел ко мне навстречу. Я выбрался из машины, и мы обнялись.

– Хочешь чаю? – спросил он.

– С удовольствием. Ты пишешь? Ночью?

– Да, – усмехнулся дядя.

В своих интервью зарубежным журналам он всегда говорил, что работать надо днем, а ночью – спать, желательно с любимыми. Но сам никогда этому правилу не подчинялся и работал тогда, когда это было ему удобно.

Что такое вдохновение, я знал с самого детства – отец работал в творческой профессии: разрабатывал методики по лечению заболеваний и писал очень много разных методичек, инструкций, учебных пособий. И если у отца было вдохновение, то в его комнату строго воспрещалось заходить, вдохновение пропадало, и он работал тяжелее или вообще откладывал работу на потом. Он работал в научном институте, читал лекции. Рано утром уходил на работу, а вечером сидел дома за тем самым письменным столом, что я так и не могу выбросить. Бывало, отец оставался на работе закончить рукопись, и мама ездила к нему с ужином на метро, отец этому был очень рад, но всегда ворчал, что она оставляла малышню на меня.

Вдохновение дяди Вовы длилось месяцами без остановки.

Его настроение никак не влияло на процесс работы, как и обстановка. Дядя мог писать в кафе, у меня в комнате, пока я делаю уроки, мог писать на листочках, потом приклеивал их к рукописи. Ничего ему не мешало, ничего не отвлекало. Если нужно было что-то сделать, он делал это и потом возвращался к рукописи. Свой бестселлер «Памятник», который будет экранизирован французским телевидением в этом году, он написал у моей кровати, когда я тяжело болел гриппом.

– Из-за меня не спишь? – спросил я.

Дядя кивнул. Мы были в тех отношениях, когда врать друг другу о таких пустяках неправильно, и он этого не делал. Я тоже. К примеру, если я не мог приехать туда, куда обещал ему, то всегда правдиво озвучивал причину. Даже если причина была не совсем удобной. От дяди было бесполезно что-либо скрывать, он знал обо мне все.

– Прости, что я тебя поднял среди ночи, – сказал я.

– Не страшно, – ответил он. – Сон в последнее время стал беспокойный. И лучше я буду работать, чем так спать. Так что же тебя так сильно зацепило в мамином дневнике?

– Скажи, вы были с ней близки, ведь так?

– Да. Это ведь я познакомил их с Сашей. Мы с Ирой были знакомы с третьего класса, а с твоим отцом я их познакомил, когда решил, что Саша достаточно взрослый парень и может позаботиться об Ире. В девятом классе. До этого Ира ни разу не была у меня в гостях. Она знала, что у меня есть старший

брат, но не видела его. Но ведь ты это все и так знаешь.

Да, отрицать это у меня оснований не было. Я знал, что дядя Вова был влюблен в маму в младших классах, но все быстро закончилось, когда дядя Вова влюбился в другую девочку. И любовь к той девочке пронес через школьные годы, а потом – университетские и вынес в свою взрослую жизнь. Он любит ее до сих пор, хотя ее нет в живых уже семнадцать лет. А мама всегда была верной подругой. Она легко перенесла замену объекта его любви, но осталась с ним, поддерживая его в непростых отношениях с той девушкой. И когда случился тот самый ужас, который бросил тень на всю нашу семью, мама была рядом с дядей Вовой, как всегда. Поэтому в нашей семье все было спокойно: все знали, что между мамой и дядей Вовой была влюбленность в раннем детстве, но закончилась, и назад дороги нет. Отец, наверное, начал переживать, когда той девушки не стало, что чувства дяди Вовы к маме снова вернутся, но... они так и не вернулись. У дяди Вовы больше никогда и никого не было. Я не знаю, заслуга ли это дяди Вовы, или мамы, или отца, который отрекся от брата... Или судьба так распорядилась?.. Так или иначе, отцу не стоило переживать (если он переживал), даже если что-то и было, я сомневаюсь, что дядя Вова смог бы разрушить нашу семью, чтобы любить маму. Дядя Вова так никогда бы не поступил.

Я узнал ту историю, которой так боялся отец, но я не считал, что дядя Вова совершил что-то плохое. Конечно, для ме-

ня было шоком, когда я все услышал от него, и в глубине души я осудил его, но прямо не сказал. К чему говорить? Только расстраивать. Дядя Вова в какой-то степени был виновен в своем желании все сделать по-человечески, по справедливости, честно, а не рисковать и рубить с плеча. Хотя в той ситуации уместнее было отступить от своих принципов. Ну и как такой человек мог разрушить нашу семью? Тем более что это он, действительно он, познакомил маму с отцом и был на их свадьбе свидетелем, он мой крестный.

К тому же после всего, что произошло в 1998 году, дядя Вова так и не стал прежним. Он стал писать книги, изливая душу на бумагу, и закрылся ото всех. У него были друзья, которые отнеслись к его поступку точно так же, как и отец, и он перестал с ними общаться. Родных, кроме нашей семьи, у него не осталось. Я не знаю, есть ли у него кто-то помимо меня сейчас. Должны же быть друзья, любовницы? Если они и есть, то я их никогда не видел. Ни самих людей, ни их следов в жилище дяди Вовы: ни зубной щетки, ни оставленных окурков, даже намек – никогда. Жизнь дяди Вовы крутилась только вокруг меня и его книг.

Нет, конечно, он общается со своими читателями – ездит в турне, получает письма в конвертах (я раз в месяц забираю их на почте), отвечает поклонникам на «Фейсбуке». У него прекрасный агент, который иногда приезжает в Россию, и они периодически встречаются в кафе или здесь, в доме. Но есть ли у него кто-то близкий? Ближе, чем я? Я

не знаю точно, но уверен, что нет.

Мы с ним говорили об этом. Я спрашивал, не одиноко ли ему? Не хочется ли ему семьи, детей? Дядя Вова всегда отвечал, что семья у него есть. Есть я, и я ему как сын. А еще у него есть его книги, с которыми он обращается как с любимыми людьми. Я знал, что это правда. В каждом романе у дяди Вовы есть девушка, которую очень любит главный герой (его альтер эго), и, в зависимости от жанра, у главных героев есть прекрасная жизнь – в начале (для триллеров) или в финале (для драм). Дядя Вова говорит, что ему достаточно той любви, которую он дарит своим персонажам. А в реальности его жизнь слишком заполнена событиями, связанными с книгами и со мной, чтобы делить ее еще с кем-то.

Я относился к его позиции с уважением, хотя внутри себя также осуждал. Ведь дядя Вова не всегда будет центром моего внимания, и я не всегда буду рядом с ним. С учетом моих «рамок» и моей продолжительности жизни (какой я себе ее представлял), скоро он останется только наедине со своими книгами и ему будет совсем одиноко. Мы пытались говорить и об этом, но дядя Вова был категоричен. Он уверял, что его похоронами займусь я, а никак не наоборот, хотя иногда подыгрывал моим мыслям о моей скорой кончине, но это в его глазах всегда была только игра. В этом вопросе его позиция была глупой, но переубедить его у меня не выходило.

Я грел руки о чашку с чаем, дядя Вова что-то дописывал в рукописи. Я никогда не заглядывал ему под руку, боясь

сбить.

Во время письма он выглядел как безумный гений – лицо сосредоточено, губы сжаты, пальцы летают над клавиатурой, на экране мелькают строчки. Он писал очень быстро, практически без остановки. Потом правил какие-то отдельные куски текста, что-то вычеркивал и дописывал, но когда он писал, не останавливался ни на минуту, даже чтобы исправить опечатки. Меня смущали подчеркивания текстовой программы, которая выделяла текст с ошибками, а дяде Вова было плевать на это. Он писал, глядя в экран с разноцветными линиями, подчеркивающими слова, а когда заканчивал, щелкал мышью, за пару минут исправляя все, что было написано неправильно.

Он закончил, свернул текст и захлопнул компьютер. Для верности даже отодвинул его подальше и улыбнулся мне.

– Расскажи мне про того человека, которого боялась мама, – попросил я.

Дядя Вова как-то странно посмотрел на меня. Я сходил к машине, взял мамин дневник и принес ему. Я показал запись от середины марта. Дядя Вова прочитал вслух:

– И да, тот человек больше не объявлялся. Прошел уже год, я надеюсь, мы больше ничего о нем не услышим. Я очень на это надеюсь.

Он нахмурился и спросил:

– О ком она говорит?

– Я у тебя хотел это узнать, – ответил я.

– Но я не знаю, Ваня. Правда не знаю. Когда это было? Девяносто восьмой год... В тот год произошло много чего... Нет, я не помню, чтобы у твоей мамы были какие-то проблемы. Давай посмотрим остальные записи, может быть, в них есть что-то?..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.